

Юлия Клюева

Мой маленький
рыцарь

ОБ

18+

84 (2 Рассыпь)

К52

ЮЛИЯ КЛЮЕВА

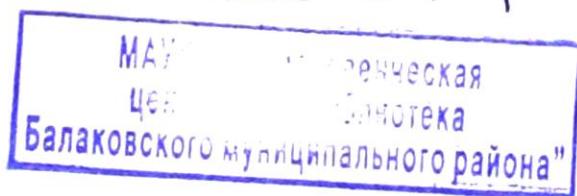
Мой маленький рыцарь

Рассказы.

Заметки.

Наблюдения.

129664 -1

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ +

г. Энгельс – 2017

**ББК 84 Р 6
К52**

**К 52 Клюева Ю.С.
Мой маленький рыцарь: Рассказы:
г. Энгельс, 2017 – 107с.**

Все счастливые семьи похожи, несчастные тянут лямку по-своему. Иногда кажется, что и только. В своей первой книге автором выведены герои её рассказов, повествований и наблюдений на срезе больших переживаний и испытаний. Но в этих испытаниях люди поднимаются над обстоятельствами и над самими собой к своей особой, «безымянной высоте». Они находят истинно своё, к чему приводит их жизнь и судьба.

ББК 84 Р 6

© Клюева Ю.С., 2017

Клюева Юлия окончила филологический факультет СГУ.

В последние годы творческая деятельность связана с работой с православными СМИ Покровской епархии. Несколько рассказов номинированы на соискание премии «Писатель года 2016». Финалист литературной премии «Наследие 2016», учрежденной Российской Императорским Домом.

Член Российского союза писателей.

Кузнецик дорогой, коль много ты ...

Кузнецик дорогой, коль много ты блажен,
Коль больше пред людьми ты счастьем одарен!
Препровождаешь жизнь меж мягкою травою
И наслаждаешься медвяною росою.
Хотя у многих ты в глазах презренна тварь,
Но в самой истине ты перед нами царь;
Ты ангел во плоти, иль, лучше, ты бесплотен!
Ты скачешь и пœешь, свободен, беззаботен,
Что видишь, всё твоё; везде в своем дому,
Не просишь ни о чём, не должен никому.

*Михаил Ломоносов
Лето 1761*

Птички небесные

Слава Богу, что мой сын инвалид

Я решилась написать эти рассказы таким же женщинам, как и сама я. Может быть, ещё и тем, для кого инвалиды и их семьи – это помеха или явление природы, но не более того. Я сама жила также, пока в мою жизнь не вошла боль, потому что началась длительная «операция» на моём сердце.

Так получилось, что долгожданный подарок – сын! – с рождения был «не таким». Я даже и не могла бы сформулировать мысль, что же именно было не так. Но с первого же дня сердце болело и проворачивалось внутри от ощущения его «инаковости». Диагноз звучит сложно. Проще сказать, что это вариант аутизма.

Почти четыре года я работала как реаниматолог, приобретала навыки дефектолога, логопеда, психолога, прикладника. Диагноз для меня был как железобетонная стена, которую проходилось пробивать голыми руками, лбом – как угодно. Но при этом не двигаясь вперёд, а зачастую, после длительной реабилитации, отползая далеко назад.

На этих-то «войнах» и пришлось встретить саму себя. И как ни парадоксально это звучит, за эту встречу я и благодарна Богу больше всего на свете. Вначале гордыня, конечно же, привела с собой отчаяние. Но при этом мягко, с силой аксиомы, меня Господь подвёл к молитве.

Можно было ссыпаться на усталость и невозможность молиться, но от действительности было не уйти.

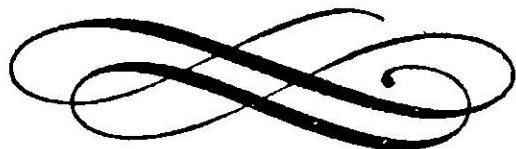
Ничто не помогало: ребёнок не развивался, стало хуже, его организм стал отказывать.

Но перед глазами было Евангелие, где «оружие» прошло сердце не только мне... И только когда пришло осознанное вымаливание ситуации, начались сдвиги в лечении. Заканчивалась молитва, заканчивались «совпадения».

Не знаю почему, но врачи очень долго не давали инвалидности. Но я знаю точно, что и сама не была готова к приговору. Воюя с ветряными мельницами клинических проявлений, я упорно держалась за счастливый финал. Господь семь лет давал эту надежду. Да и врачи говорили о возможности перелома в лучшую

сторону. А потом – послали на группу. И не потому, что я перестала молиться. А потому что пришла пора пройти урок, к которому готовил меня милостиво Господь целых семь лет: «Да будет воля Твоя...»

Здравствуй, мой особенный сын! Ты со мной проходишь мои уроки жизни, мои «двойки» – это твои «двойки». И ты помогаешь мне их исправлять и терпишь меня же, когда я воюю не с твоей болезнью, а, прежде всего, с самой собой. У нас впереди целая жизнь, такой долгий бесценный урок. И помоги нам Бог выучить его и сдать в конце самый главный экзамен.

На таких нет закона...

Рядом билась жизнь. Только билась она странно, собирая все углы и порожки, спотыкаясь на ровном месте, плача, не говоря ни слова, подывая и поскучивая.

Ребёнок – инвалид. Это надо вместить, это надо осознать. С этим надо смириться.

Каждое движение обычный ребёнок делает просто: перевернулся, встал, пошёл, взял, сел поиграть. Здесь же просто ничего нет, непросто всё. И боль, боль, боль. А ещё проживание через неприятие, через непонимание, через презгливость тех, кто рядом – свои или чужие.

…Приезжая в реабилитационный центр, влипалась в какое-то странное ощущение, как в паутину. Туда заходишь, продираясь через боль маленьких и тех, кто с ними – матерей, отцов и не отцов. Взрослые выбаливают свою ношу по-разному: молча, ранними морщинами, сорванной спиной, сигаретой в зубах, рюмкой, короткой юбкой, молитвой, слезами и матом. Маленькая боль кричит, а большая молчит.

Она молчать может широко раскрытыми глазами, в которых вопрос... Молчать может через суженные амбразуры внутренним криком поведённых век.

Иногда в очереди вспышка, на ребёнка оклик, и опять внутрь – за амбразуру щёлок глаз.

…И ещё: там дети никогда не смеются, совсем. А если смех есть – то это уже диагноз...

В этом тельце билась жизнь. Она выживала, потом соскальзывала под капельницы, опять карабкалась, потому что мать всегда держала за ручку. Первые звуки, когда другие уже говорят первые слова, когда другие читают; первые росчерки на бумаге, когда другие пошли в школу.

Пусть они идут, другие, а у тебя иной путь. Ты с рождения – богатырь, потому что несёшь на своих плечиках гору своей болезни, способную раздавить и взрослого. А ты смиренно принимаешь свою инаковость, одетую в доспехи боли, воюя с ветряными мельницами условностей, великанами страстей окружающих,

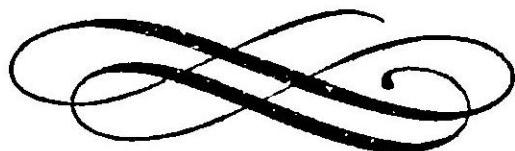
продираясь через тернии их нелюбви.

Однако ты никому при этом ничего не должен, потому что
освобождён своим диагнозом.

Мой маленький рыцарь, ты уже свободен, потому что всегда
чист. А на таковых нет закона, таковых есть царство небесное.

Это мы должны тебе, учась любить в тебе отражённую твоей
душой вечность, при этом накладывая на твои плечики бремя на-
ших страстей, наших «не могу».

Спасибо тебе за это, сынок!

Нюр, ты меня прости!

Несколько последних лет были похожи на ползание голым животом по горячим углям. Невыносимо было всё: блюющий пьяный муж, затаившийся от криков взрослых в углу комнаты маленький сынишка, плачущая мать и притихшая под столом собака. Этот узел надо было просто рубить.

И она отрубила!

Развод не чувствовался отпиливанием по живому. Напротив, от живого отпала некротическая ткань. Гниение прекратилось.

По разводу Анна предоставила своему «алконафту» купленную ею в кредит комнату в коммуналке и полную свободу в поглощении всего, что пьётся. А он ей – двушку, трёхлетнего сына, собаку и свободное место на диване – для ее мамы.

Терпение ей досталось в наследство от матери, которая долгие годы выхаживала отца-инвалида, а после его смерти безропотно тянула её и брата. В деревне им было проще выживать на собственном клочке земли, который каждый год давал в избытке овощи и, главное, картошку.

Повзрослев, Анна уехала учиться в город, проскочив в институт по лимиту для сельских жителей буквально в последний год советской власти. Выбранная профессия бухгалтера пришлась как нельзя кстати в наставших рыночных отношениях.

С Генкой она познакомилась уже после института. Он работал на базе, красиво жил; и пустил её, преуспевающую красотку, на свою любимую жилплощадь.

Детей у них не было долго. К тридцати восьми годам от спокойной жизни Генка нажил животик и мешки под глазами. Анна из-за загрузки на работе не обращала внимания на конвейер пивных бутылок, пока не приехала из роддома с Владышкой. Отупевший и враз опустившийся муж был ей в удивление, не в тягость. Она даже пыталась его удержать от полного распада. Но ни разговоры, ни скандалы не помогали. Через полтора года, чтобы вырваться на работу, она вызвала из деревни мать.

Полугодовой Владька плоховато ходил, почти не гово-

рил и сторонился людей. Анна надеялась, что мать своим вниманием и заботой даст мальчишке то, что она за скандалами не успевала. Была надежда и на детский садик.

Генка пил уже беспробудно. Денежная работа для него закончилась, и за постыдным увольнением началось мелкое подворовывание у своих же.

Анна теперь кормила всех. Возвращаясь поздно вечером, она заставала сына уже спящим, мать плачущей, а Генку... За Генкой приходилось разгребать отдельно.

В этом безумии процился ещё год. Анна взяла отпуск и уехала с матерью в деревню. Сынок был теперь рядом; и, ни на кого не глядя, танцевал в большой комнате свой удивительный танец – всегда на носочках, с оторванными клочками обоев, курлыкая особым птичьим языком... Он давал представление нездешней пластичности.

Анна смотрела и плакала. Постепенно приходило сознание неправильности происходящего, отчаяние ещё только начинало накатывать, подталкивая к неизбежному – к консультации у врача и юриста.

Выходя из кабинета психиатра, Анна долго не могла понять, в какую же сторону ей идти. Слово «инвалидность» блуждало где-то за гранью понимания, пробивая разрядом боли, но не вмещаясь в сознание. «Аутист – это как аист. Летает где-то высоко, хотя и живёт в гнезде на крыше твоего дома», – так провернулось в её голове. И Анна шагнула вперёд.

С прежней престижной работой пришлось расстаться. Надо было поворачивать слишком многое, и она пошла работать кассиром в супермаркет, где работа по графику давала свободное время и заработную плату. Мама всегда была рядом. Владик креп. От пьяных криков отца он скрывался под столом, потом высаживал и бросался на бабушку с кулаками. Он бил её наотмашь. Та молча плакала и только пыталась прижать его к себе покрепче чёрными от синяков руками.

Владик не очень стремился на улицу. Там страх накрывал его, и он в испуге визжал на каждую муху, кошку, собаку. А потом бежал обратно в подъезд как балерина на носочках, высоко подпрыгивая перед действительными или мнимыми препятствиями.

Развод тянулся долго. Ожидая обещанной для него комнаты, Гена уже не говорил, а рычал на всех. Его оскотинивание удивляло даже Анну. Только обострение болезни Владика отвлекало её от выходок мужа. Она молча вытирала лужи от блевотины, от испражнений и, закусив до крови губу, ждала их разъезда.

Ребёнок стал на редкость брезглив. Он не мог смотреть на живущих рядом с ним за обеденным столом близких. Его постоянно рвало. Он худел, а агрессия не сбивалась даже галопиридолом.

С уходом Генки дома наступила долгожданная тишина. Только Владька продолжал танцевать свой удивительный танец без музыки и слов. Впрочем, не нуждаясь и в зрителях.

Через полгода Генку арестовали. Как выяснилось, на базе на него попытались повесить задним числом недостачу. Пока шло разбирательство, Генка полгода провёл в СИЗО. Просить о помощи ему было некого, и он позвал Анну. Благодарность за оставленную ей двушку пересилила, и Анна стала таскать бывшему мужу передачки. Расходы тянули, но подошедшая пенсия по инвалидности сына давала продых.

Генка вернулся в квартиру к Анне самым неожиданным образом: его отпустили под домашний арест по старому адресу. Генка опять был трезвым и тихим, и благодарность его была неподдельной. Он помогал по дому и с удивлением наблюдал за особым птичьим танцем, в котором бесконечно кружился его сын:

– Нюр, ты меня прости! Я выйду на работу, я всё тебе отдам. Я помогать вам буду. Ты меня только прости!..

Анна радовалась и теперь уже по-другому ждала, когда снимут с него браслет. Счастье можно было почти потрогать.

Через день, после того, как сняли браслет, Генка пришёл домой пьяный, что-то невнятно промычал, развернулся и исчез. Анна не стала его искать. Через месяц упакованные чемоданы перевез в Генкину комнату его друг...

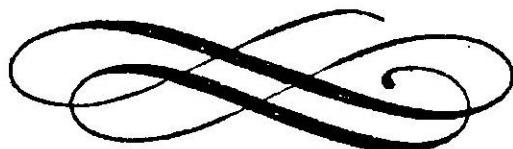
Пожилой священник только что закончил служить панихиду и направился к алтарю, чтобы отнести кадило.

Анна неуверенно подошла к нему и еле внятно проговорила:

— Батюшка, я год назад была у вас, свечи ставила за сына. А вы сказали, что мне молиться надо, чтобы хоть что-то стало меняться. Мне что делать-то надо? — Анна смотрела на него неплачущими глазами, за которыми стояло прожитое и боль настоящего.

Кадило в руке священника тихонько звякнуло.

— Ты, дочка, присядь на лавочку. Подожди немного, я скоро к тебе подойду. Да и разговор, думаю, будет долгим...

Большое сердце

На детской площадке мальчишки впятером гоняли в футбол. Игроков явно не хватало: в летнюю пору многие разъехались по дачам. Одни ворота оставались пустыми, и старший заводила, рослый мальчонка лет одиннадцати, постоянно посматривал по сторонам: не появится ли на улице ещё один потенциальный игрок.

Но в жаркий полдень желающих попрыгать не было. По пустынной аллейке прогуливались только я и мой сын. Мальчик подскочил к нам и на правах капитана команды бросился к сыну:

— Слыши, пацан, айда к нам на ворота. Нам тебя не хватает.

Мой сын радостно кивнул и быстро засеменил в сторону площадки. Я грустно посмотрела на ребят.

— Я не против, но большого толка от него не будет.

— Это неважно, лишь бы стоял.

В следующие несколько минут мимо новоиспечённого вратаря прокатилось несколько мячей. Капитан озабоченно и уже раздражённо наблюдал, как мимо медленно раздвигавшихся рук Игорька проскальзывал очередной пропущенный гол. Чтобы мальчишка окончательно не разозлился, я решила упередить ситуацию:

— Не расстраивайся. Я же тебя предупреждала, что толку не будет. Он — инвалид...

У паренька на несколько мгновений вдруг напряглось лицо и сузились глаза. Он над чем-то явно задумался.

— А я думал, он набалованный, — ответил мне мальчик, а затем резко повернулся к игравшим ребятам. — А ну, стойте. Ты, пацан, иди к нам, бери мяч и бей по воротам.

Игорь медленно нагнулся, неловко распрямил руки и взял уже закатившийся в его ворота мяч. Приволакивая ноги, он добежал до других ворот, положил мяч, размахнулся и... чиркнул кроссовкой по асфальту. Мяч остался на месте. Мальчишки начали хмыкать.

— А ну, тихо. Стоите и не мешайте. Давай, пацан, давай! Ещё бей!

На этот раз мяч вкатился в ворота.

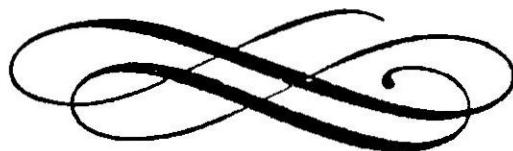
– Ура! – радостно закричал сын.

– Молодец! Теперь постой на воротах, я тебя ещё позову. А вы не вздумайте смеяться!

Мальчишка ещё несколько раз останавливал игру, чтобы Игорёк смог забить свои голы. Ребята кривили губы, но не посмели ослушаться своего капитана: ни разу не рассмеялись. Где-то через час все разошлись по домам.

Того футболиста-рыцаря я больше не видела: скорее всего, он лишь гостил здесь на каникулах.

Это была первая и последняя командная дворовая игра, в которую позвали моего сына. И за это моя особая благодарность тому маленькому капитану с большим сердцем.

Лариса

Её полюбила вся палата. Днём она никогда не лежала на койке, только сидела поближе к изголовью, подтянув к себе ноги. Если кто-то стонал или просил попить, первая подлетала. Миниатюрная, в красивом обтягивающем спортивном костюме, она проскальзывала между коек легко и изящно, почти как танцовщица. Даже массивная золотая цепь только подчеркивала ее лёгкость. В свои тридцать два она выглядела начинающей расцветать женщиной.

Когда она появилась в палате, то как новенькая обратилась к нам с просьбой разрешить занять койку. И столько детской доверчивости и кротости было в ее голосе, что тогда мы вообще приняли за девушку.

Присев на койку, она стала говорить, как причитывать, не ожидая облегчения от своего же речитатива:

– Не представляю, как они там без меня справляются. И операцию больше нельзя откладывать. Уже восемь лет откладываю. И всё-таки надо было ещё потянуть. У меня ведь сын – инвалид.

– Всё будет хорошо... Жизнь своё возьмёт... Справятся... – всем хотелось её хоть как-то утешить.

Желание плакать у неё прошло. Но временами переживание пересиливало, и она начинала рассказывать о себе. Вроде, как дома побывала.

...Замуж Лариса вышла сразу же после школы. Приехала на каникулы к родне в районный центр, и приглянулась местному преуспевающему бизнесмену. Он был на десять лет старше, и сделал всё, чтобы она сказала «да». Окружённая заботой сначала мужа, а со временем и подросшего сына, она смотрела на мир через их любовь к ней, и сама дышала любовью.

Лариса припомнила забавный случай, как будущий муж решил поставить себе перед свадьбой красивые передние зубы, и, будучи несколько недель беззубым, каждый раз прикрывал рот рукой, когда разговаривал с ней. И надо же, перед тем как ей лечь в больницу, у него сломались вставные зубы. Он тут же опять стал прикрывать при ней рот рукой.

– Я ему говорю: «Я твоя жена уже почти пятнадцать лет – не стесняйся». А он всё одно: прикрывается. Даже в палату ко мне из-за этого не поднимается.

Первенец появился у них через год после свадьбы. А вот родить второго ребёнка они долго не решались, потому что врачи нашли у Ларисы патологию почек. Когда через пять лет она переступила через табу врачей, организм не справился. У недоношенного младенца был порок сердца, детский церебральный паралич... К тому же мальчик оказался дауном.

– Врачи уговаривали меня оставить сына в роддоме, потому что шансов на то, чтобы выжить, у него практически не было. Но разве я его брошу!

Лариса забрала ребёнка и стала выхаживать. Первые несколько лет он ел только через зонд. Когда он повзрослел, стал выдёргивать трубочку. Лариса сама научилась ставить зонд, хотя очень переживала.

– Муж видел, как я нервничаю, и попробовал поставить зонд самому себе. Он уверил меня, что тот попадает только в желудок. Сейчас мальчишка пьёт жидкую кашку из рожка, хотя ему уже скоро девять лет.

До последнего времени сын не ходил, только ползал. Встал на ноги самым удивительным образом: использовал её большой надувной мяч для фитнеса. Он наблюдал, как мать занимается, и повторил её движения. Вначале стал ложиться животом на мяч и перекатываться по комнате, затем по всему дому. А когда окрепли немногие ноги и руки, он встал и пошёл. И начал хулиганить, переворачивая всё на нижних полках шкафов.

– А любимая его игра – «найди рулон туалетной бумаги и размотай до конца». Сам такой забавный, бежит на тоненьких ножках и раскачивается из стороны в сторону. Прямо как обезьянка, – улыбаясь, Лариса показала фотографию мальчионки среди бумажного моря из размотанных рулонов.

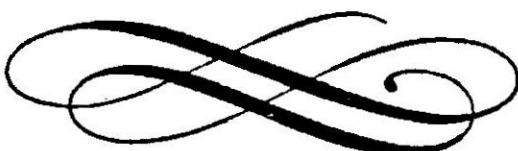
– Поехать в реабилитационный центр я не могу – у сына тяжёлый порок сердца. Врачи с самого начала объяснили мне, что он может в любую секунду умереть. А я к нему с каждой минутой привязываюсь всё сильнее и сильнее.

Мне показалось, что я лечу куда-то вниз. Внутри всё сжалось и застыло.

— Так ты девять лет каждую секунду ждёшь, что вот-вот твой сын умрет у тебя на руках?! Живи, слышишь, живи! Он же уже пошёл. И смерти вообще нет. Есть рождение в вечность.

Операция дала Ларисе некоторое облегчение, хотя и не решила главной проблемы с почками. Сказалось оттягивание на восемь лет ради сына.

После операции вся палата ухаживала за ней, хотя та ничего, кроме воды, не просила. А больше нам ничего нельзя было для неё сделать...

Мать

В коридоре стояла коляска для двойни, только очень большого размера. Такой своеобразный паровозик, выглядевший на редкость тяжело и массивно. Пока я пыталась понять для чего такая громоздкая конструкция, из физиокабинета спиной ко мне стала потихоньку выбираться хрупкая женская фигура. На её шею были заброшены руки достаточно взрослого ребёнка всего на полголовы ниже матери.

Стало понятно, что у мальчишки сильный детский церебральный паралич: даже голову он не мог хорошо держать. Мать привалила его к себе, и почти волоком потащила к коляске. Потом отработанным движением положила в коляску сынишку, а он ничем не мог ей помочь. Тут же, развернувшись, она быстро вернулась в кабинет... и таким же образом вынесла второго ребёнка. Только руки мальчиконки не лежали у неё на плечах, а посторонними предметами болтались вдоль тела.

Уложив и второго сына в коляску, женщина расправилась, схватилась за поясницу и повернулась ко мне:

«Вы не могли бы подержать дверь открытой, пока я вытолкаю коляску к лестнице?»

На меня смотрели безнадёжно утомлённые глаза, васильковый цвет которых был подёрнут проволокой боли. Ей, похоже, не было и тридцати.

Дверь я открыла. Она подкатила коляску к лестнице на второй этаж, затем вынула первого мальчишку и потащила на себе: в приспособленном помещении реабилитационного центра не было лифта, да и сама лестница была узкой.

«Пожалуйста, побудьте с Максимом. Я быстро».

Максим сидел спокойно. Глаза блуждали по пространству, не останавливаясь на чем-либо. Я его тоже не заинтересовала. Из уголка рта протянулась слюна.

Женщина спустилась, взвалила на себя второго ребенка и потащила его вверх по лестнице. Я отвернулась. Сил смотреть больше не было.

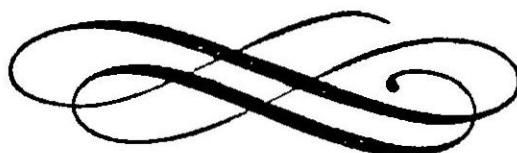
Потом мы ещё несколько раз сталкивались с ней в коридорах

центра. Я узнала, что она живёт с матерью. Отец детей сбежал, как только они появились на свет: сразу же стало ясно, что они – инвалиды. Старший, Толик, немного крепче и может жевать, и даже иногда встаёт в коечке, держась за борта. А младший глотает только жидкую пищу и совсем не держится на ногах. Им уже исполнилось десять лет.

Последний раз я видела её на улице, за забором центра. Она стояла, скорчившись от боли в спине, и судорожно курила. Времени у неё не было, дети вот-вот должны были проснуться после короткого дневного сна.

Я застыла в воротах и... не столько поняла, сколько прочувствовала внутри, почему у Достоевского в «Братьях Карамазовых» старец Зосима упал в земном поклоне перед Дмитрием Карамазовым: он кланялся тому кресту, который тому предстояло нести всю свою оставшуюся жизнь. И тяжесть этого креста была невероятной.

В тот момент я очень хотела упасть на колени перед ней – МАТЕРЬЮ!

Папаша

В коридоре приёмного отделения реабилитационного центра толпились дети и взрослые. Был тяжёлый день заезда новых маленьких пациентов и их сопровождающих. Стоял гул голосов, шелест документов, плач и возня детей. В узком проходе между лавками стояла коляска с мальчиком лет восьми. Бессильные ручки были засунуты между коленями, а ножки-плёточки собраны по плотнее, чтобы не свешивались через края коляски и не мешали проходящим. На громкие звуки он иногда реагировал попыткой поднять свою головку, которая тут же опускалась опять вниз, не держась на слабенькой шее. Набегавшую слону у мальчика заботливо вытирали сидевший рядом парень лет двадцати пяти.

Через некоторое время из кабинета выскочила молодая издёргнная женщина. За сильным хлопком дверью тут же послышалась её ругань. Резкие взвизги заставили всех притихнуть. Она просто кричала в закрытую дверь, и было непонятно к кому именно она обращается.

– Нет, я домой приеду, я ей устрою! Результаты Манту она не записала. Я еду за двести вёрст, чтобы утереться! Да я не знаю, что с врачихой сделаю. А эти, ух, даже не уступают!!!

Мальчик в кресле задёргался и начал мычать. Парень озабоченно посадил его к себе на колени, обнял покрепче и вдруг одёрнул орущую.

– Замолчи! Видишь, он нервничает. Ты – мать. Сама виновата, что не проследила за документами.

Дверь открылась и из кабинета вышел врач. На женщину она не взглянула и сразу же обратилась к молодому мужчине:

– Мы, папаша, можем пойти вам навстречу: примем вас на лечение, если вы принесете сегодня результаты рентгеновского снимка. Сделать вы сможете его в ближайшей больнице. Адрес я дам, и даже позвоню туда. Это будет стоить недорого.

Парень тяжело вздохнул.

– У меня денег только на обратную дорогу. А ещё, я не папа. Мне просто мальчишку жалко...

На посту

В большом городе расстояния приличные: час-полтора ехать в одну сторону на общественном транспорте, и это – без пробок. Коррекционных школ в городе несколько, и далеко не в каждом районе. Дети учатся с половины девятого и остаются до обеда, а потом их надо забирать: увы, далеко не все из них способны передвигаться самостоятельно.

У родителей или близких выбор небольшой – вернуться утром домой или остаться ждать на месте, в школе. Если живут относительно рядом – уезжают, если далеко – ждут три-пять часов в специальной комнате для посетителей. При этом в туалет родителей в школе не пускают. Таковы правила внутреннего распорядка: санитарных книжек у родственников нет. Поесть-попить тоже надо найти где-то в ближайших кафе, потому что школьная столовая обслуживает только детей. И, слава Богу, бесплатно: большинство из них инвалиды.

Поэтому те из сопровождающих, кто помоложе и поздоровее, сидят в комнате ожидания до открытия магазинов, а потом уходят бродить, закупать продукты, да и организм временами требует своего. К тому же сидеть в закрытом помещении без удобств несколько часов подряд изо дня в день тяжко. Очень тяжко. Перемещения по школе вне стен комнаты запрещены. При этом чувствуешь себя как в подводной лодке – не сбежать. А потом – долгая дорога домой.

К чему всё это?

В жизни всегда есть место подвигу. Причём, подвигу тихому, малоприметному, но скрепляющему так много, что убери этот маленький винтик – всё и рассыпется.

…Это была маленькая пожилая женщина лет семидесяти, худенькая, даже, скорее, сухонькая, с острыми локотками и всегда в брюках, плотно сидящих на выпирающих косточках таза. Личико всё в неглубоких морщинках, а на остром носике – очки в металлической оправе модели семидесятых годов.

Она не сразу приковала к себе моё внимание, наверное, потому что всегда вела себя в комнате ожидания так тихо и незаметно,

что просто растворялась среди других женщин.

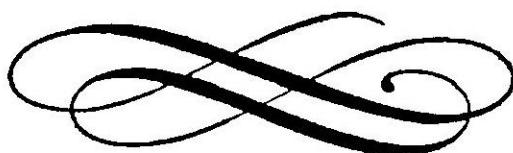
Каждый день она привозила в школу своего внука лет тринадцати, и никогда никуда не уходила. В пакетике она приносила бутерброды и миниатюрный термос с чаем, и каждый день часов в десять садилась тут же в комнате завтракать. Она садилась как-то по особому, очень деликатно, умела пристроиться к очень неудобной мебели как-то в полоборота, и только незначительный шорох позволял догадываться о её движениях.

Я не помню случая, чтобы она жаловалась на здоровье или непогоду: просто была на своём посту по шесть-семь часов в день шесть дней в неделю.

Один раз я видела, как её довольно рослый внук лежал на полу коридора и громко навзрыд плакал. Оказывается, отец обещал за ним приехать и забрать со школы, но не смог из-за работы. Ребёнок колотил кулаками и ногами в пол и всхлипывал: «Баба, опять ты здесь. Папка где? Где? Он обещал!!! А ты мне надоела!»

Пожилая женщина стояла рядом, тяжело вздыхала и ждала, когда пройдёт приступ. А мальчишку можно было понять: отец слишком мало бывал с ним рядом.

Ну, а бабушка... Что бабушка? Бабушка возила его в школу все восемь лет.

Он перестановки мест...

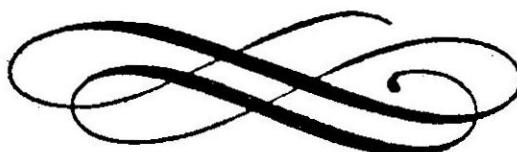
Мы беседовали с моей знакомой, расположившись на террасе её дачного домика. Рядом веранду вымеривал шагами её двенадцатилетний сын-инвалид. При своём немалом весе он тяжело ступал и при этом постоянно поворачивался всем корпусом вокруг своей оси. Наш разговор ребёнка просто не мог интересовать: его односложная неразвитая речь всегда касалась только видимых вещей или потребностей. Кисти рук мальчишка постоянно встряхивал, издавая при этом высокий звук. Весь в себе, он старательно избегал контакта с людьми и предметами. Эта странная подтанцовка длилась часами, правда, тем, кто уже привык, это не мешало заниматься своими делами.

Мы долго решали, что и куда высадить в первую очередь на грядки. В конце концов мне захотелось направить этот забавный и совершенно ненужный спор в совершенно мирное русло:

— В принципе, не так уж и важно, как ты это сделаешь. От перестановки мест слагаемых сумма не меняется.

Произнося последнюю фразу, я вдруг заметила как мальчик остановился и продублировал вместе со мной: «Сумма не меняется». Простоял немного, будто ожидая чего-то, чирикнул и закружился дальше.

Дача – не школа, задания ему не дали...

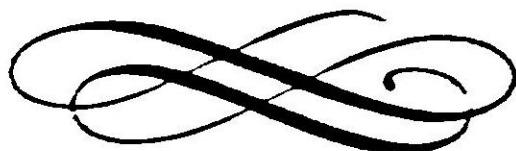
Малышка

Любителем собак только дай разговориться, конца и края не будет: дети и домашние животные – и бесконечные хлопоты, и радость, и местами головная боль.

Моя знакомая завела своему ребёнку чихуахуа для пет-терапии. Её мальчишка болен ДЦП, не встаёт, но руками немного двигает. А собака даёт ему столько положительных эмоций, что даже пальчики у сына стали лучше шевелиться. Так мать получила себе неожиданного компаньона.

– Мне недавно пришлось по-быстрому выскочить из дома в магазин за продуктами. Чтобы сынишку как-то занять минут на двадцать, я сунула ему в руку телефон – и скорее к выходу. А сама, думаю, дай загляну в окно, как он там, один. Да оно и удобно, дом-то частный. Гляжу, сынок телефон выронил и плачет – дотянуться не может. А Малышка подбежала, телефон взяла в зубы и вложила ему прямо в руку. Потом облизала всего и легла рядом.

Я слёзы утерла – и дальше бежать...

Наши копуши

В пятницу с утра в школьной раздевалке было суетно и одновременно утомительно. Дети вяло переобувались: сказывалась усталость целой недели учёбы. Один паренёк одевал сменную обувь особенно медленно, потому что мама предоставила ему полную самостоятельность. Сама же при этом стояла рядом и обречённо вздыхала, наблюдая за этим затянувшимся процессом. А мальчишка сидел и забавно морщил лоб, пытаясь справиться с ботинками.

Мне со своего места было видно и своего "орла", мучившего свои сандалии, и её старательного ученика. В этом был какой-то особый сюрреализм. Я рассмеялась: "Ах вы, наши копуши!"

Паренёк медленно перевёл взгляд со своих ботинок на меня. Затем так же медленно повернул голову к матери: "А кто такие "копуши"!"

Та ещё раз вздохнула.

Во взгляде мальчишки мелькнуло беспокойство. Он опять перевёл взгляд на меня. Недоверие увеличилось. И тут до меня дошло:

– Не беспокойся. Это хорошее слово. «Копуши» – это те, кто всё делают медленно. Зла в этом слове нет, не переживай.

Выражение его глаз смягчилось, и он опять вернулся к непослушным шнуркам.

Мой милый копуша, как же часто ты слышишь печальное в свой адрес. Ты уже привык к таким ударам и умеешь их обречённо и беззлобно встречать. Мне бы так!

Маленький человечек

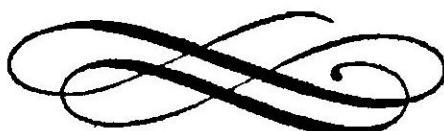
Мальчиконка был маленький, очень маленький. Учась в средней школе, роста был с пятилетнего. Генетический казус сделал его таким миниатюрным, но при этом пропорциональность его крошечного хрупкого тельца не нарушалась ни единственным членом. Глядя на мальчика, хотелось искать рядом с ним чёрную курицу, Чернушку, и вместе с ним войти в нереальный мир сказочных героев сказок.

А как молода и красива была его мать! Среднего роста, спортивная, подтянутая, с правильными чертами лица. И с невероятной болью отстранения от произошедшей беды. Сын не доставал ей до пояса, а она старалась смотреть сквозь него, за него, выше него. Он увивался за ней хвостиком, а боль её сердца оставляла ей только односложные фразы и желание убежать куда подальше.

Но не сбежишь ни от себя, ни от сына, ни от боли. А маленькое тёплое тельце у неё под ногами пыталось дарить ей ежесекундно самое главное лекарство от боли – свою любовь. Эта детская любовь не имела слов и даже жестов, только мельтешение перед глазами и досадные вопросы. Да ещё несла в себе упрек неказистой внешности мальца.

А ещё его любовь несла самое главное – бесконечную жертву этой любви, помогавшую ему терпеливо пережидать всплески отчаяния болящего сердца матери. Лёгкими прикосновениями пальчиков, как лапками невесомой бабочки, он пытался залечить неисцелимое, чтобы когда-нибудь она смогла смириться и принять его таким, какой он есть, чтобы получить самое главное – его любовь.

Их любовь.

Урод

Дверь в магазин резко распахнулась, когда я уже расплатилась за покупки и устраивала пакеты поудобнее в руках. В помещение ввалился молодой парень на костылях и с пластиковым ведёрком, болтавшимся на веревке на шее. Весь искрёженный своим недугом, он мотал своими подпорками и невнятно кричал. Девочки за кассой тут же спрятались под прилавок: видимо, его появление было для них делом обыкновенным и неприятным. И тут я расслышала:

– Дайте мне денег! Быстро! Дайте, ну!

Он брызгал слюной, а в ведре уныло перекатывалась одинокая мелочь. Тут он резко развернулся ко мне и, не видя меня, заорал:

– Ты, урод!!! – И раскачивающаяся фигура шагнула за дверь.

Я оторопела от крика и в ту же секунду признала парнишку.

Он часто просил на паперти у близлежащей церкви милостыню. А это был поздний вечер, будний день. И мороз был ниже десяти, и ветер резкий. Его руки были закоченевшими, лицо, несмотря на крик, было перекошено не только от детского церебрального паралича, но и сковано холодом. Было очевидно, что он продрог, ожидая посильной помощи от прихожан. А по такой погоде, да ещё и после работы, мало кто готов был пойти на службу. Поэтому мелочи в ведёрке было так мало.

А ещё в моей памяти встал давний разговор двух прихожан из того же храма. Года три назад они помогали ему переехать в комнатаёнку, снятую этим парнишкой. Он сбежал от своей алкоголички-матери, устав от её бесконечных издевательств и побоев. Одному со своим недугом ему жилось легче, чем с ней.

Он кричал не от ненависти ко мне, а от безмерной усталости и холода, от безысходности. И ещё от выученной реакции на такую бедовую ситуацию. Вероятнее всего, именно так на всё реагировала его мать.

Ему нужна была эта недополученная "лепта", потому что на пенсию по инвалидности он жил, а за жильё платил из собранной милостыни.

Я слишком долго продиралась к кошельку сквозь пакеты. Поэтому, когда я вышла на крыльце, парня уже не было видно. Скорее всего, он зашёл в один из соседних магазинов или в подворотню.

Я так и не смогла облегчить его боль...

Ты любовь моя
последняя...

Ты - любовь моя последняя...

Иногда любовь даётся как дар. Она есть, и её не может не быть. Она проходит сквозь годы, только усиливаясь и бесконечно углубляясь. Сердца стоят друг против друга, вначале только касаясь, со временем же срастаясь до полного единения.

Фёдор и Галина прожили вместе уже двадцать лет. И каждый вечер после работы сидели на кухне за маленьким столом, соприкасаясь локтями, говорили о важном и не важном, выслушивали друг друга, выразительно молчали и были абсолютно счастливы. Даже стародавняя боль молчала, была купирована и временем, и безмолвным договором – не вспоминать. Только столик на кухне укорял своим малым размером и их особым единением, потому что за ним так и не сел третий, не болтал маленькими ножками, и не размазывал ручками каши.

Маленькие ножки – это особая радость. Даже когда крошечный человечек и научится ходить, и даже бегать, они, эти ножки, первые два-три года живут своей отдельной радостью. Если оторвать от пола бегущего малыша, ножки ещё несколько секунд бегут в воздухе. Наверное, поэтому детишки так любят их разглядывать. Каждый пальчик – маленькое чудо, которое бесконечно можно целовать взрослым, и самозабвенно мусолить маленьким. Даже сам звук босых, шлёпающих по полу, ножек похож на симфонию особой, приумноженной жизни. Потому что теперь двое видимо и ощутимо одно, нераздельно и вечно едины в этой живой капле жизни, подаренной просто так, от бесконечной любви неба.

Но ножки не побежали. За двадцать лет было пройдено всё, включая сложные операции. В свои пятьдесят Фёдор достиг многое, поэтому не жалел для жены ни денег, ни сил. Но природу не обманешь... Надежда уходила постепенно, а после сорока свернулась в точку и мёртво легла на дно сердец. Правда, оставалась музыка сердец для них двоих.

Боль вернулась вдруг, когда одна из подруг Галины родила

"поскрёбыша". В свои сорок три года Галина взвыла так, как никогда в жизни. Фёдор смотрел на неё. Смотрел и молчал. Говорили только его руки, отдавая нежность и силу чувств.

Жена молча сворачивалась в вымученный жгут боли. Только по ночам Фёдор иногда ощущал, что жены не было рядом, хлопал ладонью по отброшенному одеялу, по мокрой подушке. Потом поворачивался на бок и изо всех сил не позволял себе идти за ней в ванную.

В какой-то момент Галина пошла в храм. Фёдор даже вздохнул, теперь он перестал бояться, когда она закрывалась от него по ночам. А ещё это дало ему возможность в какой-то момент заняться и своим здоровьем: в последнее время старая язва сильно кусала.

Тихо прошёл ещё год. Галина не пропускала ни вечерних служб в субботу, ни воскресных, утренних. Фёдора она за собой не тянула. Просто молилась о них, и этого ей было достаточно. Иногда она переставала молиться словами, и всю боль молча упирала в небо. Это несколько облегчало, но не исцеляло.

Жизнь шла своим чередом. Ничего не менялось, только стало тише и внутри, и вокруг. Странно зависшая тишина в жизни вначале даже радовала. Но в какой-то момент Галина почувствовала тоску от этого затишья: как перед бурей. Только в этой тоске, вопреки здравому смыслу, не было для неё безысходного страха, но особая, живая надежда.

Как мгновенно меняется жизнь.

После обследования Фёдору поставили безоговорочный диагноз – рак. Срочная операция показала наличие метастаз. Началась борьба со смертью. Он выслушал приговор, как слушал когда-то стрельбу на границе, где в своё время служил в армии. Просто принял бой, зная неравенство сил.

Теперь уже Галина обволакивала его сердце необыкновенной силой любви, соединённой с приближающейся вечностью.

Плохое самочувствие заставило Галину пойти в больницу. Она на несколько минут перестала слышать врача, когда он сообщил ей то, что уже и не должно было никогда прозвучать – беременность, восемь недель. Радость вопреки смерти – таков дар небес.

Сросшиеся сердца зажили в особом бытии, когда минуты становились бесконечными памятниками проживания оставшихся капель жизни, теперь уже устроенной.

Фёдор дождался не только рождения дочери, но и увидел, как та сделала первые шаги. А ещё Верочка давал силы терпеть пытку распада поражённого недугом тела.

По ночам боль высверливалася нутро с особой силой, и Фёдор знал, что сможет молчать только после укола наркотика. Тогда он вставал, чтобы попросить Галину сделать укол, приоткрывал дверь в детскую, где жена спала вымотанным сном матери. И... опять прикрывал дверь. Пошатываясь от слабости, он возвращался на свою кровать, потихоньку включал радио и заставлял себя слушать передачу с ложной сосредоточенностью, которая хоть как-то обманывала боль.

Какая сила держала Галину на ногах, было ей непонятно. Скорее всего, это была необыкновенно возросшая сила любви. Она почувствовала, как много даёт ей эта любовь, когда однажды случайно заглянула в детскую. Федор дёржал ослабевшими и исхудавшими руками дочь. Потом он приподнял её повыше, и глядя ей в глаза, тихонько пропел:

– Ты – любовь моя последняя, боль моя...

Сердце женщины повернулось в груди, распалось на атомы, собралось воедино, и... стало иным. Особая новая сила не дала ей отступить. В комнату Галина вошла с улыбкой.

Днём, когда были силы, Фёдор входил в комнату дочери, клал её на диван, сам рядом приваливался на подушки и начинал ей петь под гитару. Галина с удивлением слушала романсы, которые он напевал младенцу.

Однажды он сказал ей: «Я помню себя очень маленьким. Мама меня купала в тазике перед печкой. Помню языки огня, тепло и маминые руки. Я хочу, чтобы Верочка запомнила меня, может быть, мои песни, мои руки. Она запомнит...»

Эти выходы в детскую становились всё реже. Галина повесила Фёдору в комнату икону его матери: старенький образ преподобного Сергия с окладом из фольги и маленькой свечечкой за стеклом. По ночам он смотрел на неё, и эта икона постоянно вела его по прошлому.

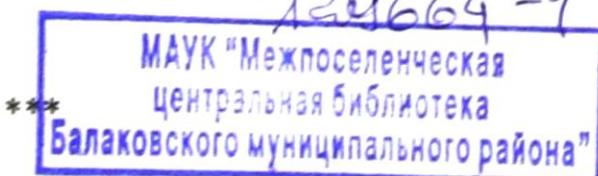
Что там были за встречи, Фёдор ей не говорил. Только однажды он остановил убиравшую в его комнате Галину и сказал: "Сильно я виноват перед матерью. Был момент, напрасно её обидел... Позови священника...".

Исповедь была долгой. Уже прощаясь с Фёдором, батюшка приоткрыл дверь, и Галина услышала, как он попросил Фёдора обращаться почаше к преподобному Сергию, особенно по ночам, когда остаётся только боль и одиночество.

Через несколько дней Фёдор утром позвал жену:

— Ты знаешь, я человек без излишних фантазий. Только не знаю, что сегодня ночью было со мной. Я увидел слева от меня кого-то очень страшного и чёрного. Это был какой-то ужас. Я даже не мог пошевелиться. Но тут преподобный вышел ко мне, взял за правую руку и повёл куда-то. И мне стало так хорошо-хорошо... Думаю, мне уже недолго осталось.

Галина посмотрела на икону только с одной мыслью: он не должен умереть без неё.

Через три дня она укладывала Верочку спать, когда почувствовала, что Фёдор её зовёт. В тот день он уже не вставал.

Галина оставила ребёнка в коечке и пошла к мужу.

– Ты звал меня?

Он слабо покачал головой:

– Нет, только думал. Прости, что оставляю тебя одну, с ребёнком. В этом я виноват перед тобой.

Галина присела на край кровати:

– О чём ты? Я самый счастливый человек. Ты мне дал самое главное: себя и ребёнка.

Фёдор слабо коснулся её руки, потом притянул руку к своим губам и поцеловал:

– Спасибо тебе за всё.

Галина видела, как трудно давались ему слова, дыхание было тяжёлым. Через несколько секунд Фёдор продолжил:

– Не волнуйся, у тебя всё будет хорошо. Всё будет хорошо!

Лицо его вдруг посерело и свелоось в судороге боли. Галина поднялась.

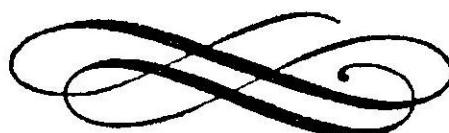
– Сейчас я уколю тебя. Потерпи!

Галина дождалась действия лекарства. Лицо мужа разгладилось. Он прикрыл глаза и стал проваливаться в сон. Она прикрыла за собой дверь и вернулась к Вере.

Девочка заснула быстро. Минут через двадцать Галина вернулась к Фёдору. Он хрюпал и редко дышал. Наркотический сон не прерывался. Дыхание становилось всё реже. Стало тихо. Тело мужа вытянулось. Женщина перекрестилась и не заплакала.

С остановившимся дыханием она ровно уложила ещё тёплое тело мужа, прикрыла его глаза, сложила руки. И ушла к иконам...

Тёплый комочек в кроватке в ту ночь ни разу не проснулся.

Последнее погружение

Эта пара всегда вызывала недоумение и скрытые насмешки. Он – высокий, статный, жгучий брюнет, с постоянной усмешкой в прищуренных глазах. Она – небольшого роста, с расплывшейся фигурой, рано поседевшая, с морщинами на лице. К тому же старше своего мужа на десять лет. Но своё странное счастье они – Александр и Александра – держали глубоко скрытым, там, где есть только двое, и никогда нет места ещё кому-то.

Как часто одинокие разбитые сердца плавают в море безумия, взаимных претензий и страстей, прикрываются масками, боясь получить раны, и сами ранят с безумством заснувшей совести. В броуновском движении жизни они сталкиваются друг с другом, с глухонемой надеждой мечтая о продолжении связи, при этом угрюмо-цинично корябаясь неприкрытой временной сцепкой.

Их тоже мотало и было. Правда, каждого по своему морю: её – по житейскому, его – по Северному. А потом выбросило на клочке соседской квартиры среди новогодних праздников. Ей на четвертом десятке уже не надо было прикрывать веками глаза, чтобы скрыть свою уже даже и не жажду, а иссушённость по сильному плечу. Муж-разгильдяй исчез ещё восемь лет назад, оставив для подтверждения воспоминаний о прежней жизни мальчишек – пяти и шести лет. Ну а он, бравый офицер, за ухмылкой и военной выпрявкой ловко прятал не только боль тела, но и души.

И только одна она приняла его таким, каков он был, а точнее, стал после аварии на подводной лодке.

За несколько месяцев до их встречи, когда он выживал в госпитале с серьёзной черепно-мозговой травмой, его уволили задним числом, надеясь на смерть полутрупа. Удавка девяностых валила людей, изничтожая души и жизни, даже и не проверяла на прочность, а просто убивала... Расчленённая некротичная ткань больной страны отваливалась тяжёлыми удушливыми кусками, хороня под собой людей, калеча в безумии распада их судьбы.

Законная супруга Александра свои недолгие переживания сразу забыла в новом браке с каким-то матросом. Прямо из госпиталя, не взяв из больницы даже выписки для дальнейшего оформле-

ния инвалидности, он шагнул в поезд, чтобы выйти уже в родном городе, где его не ждала мать с инвалидом-братьем.

Ежедневные эпилептические припадки изматывали его физически и морально. Но в свои неполные тридцать лет он не хотел себя признать инвалидом. Хватался за любую работу, задерживаясь на ней не больше месяца: припадки пугали окружающих. Он срывался, выпивал, прямо на улице ввязывался в драку, которая тут же заканчивалась не только кровью, но и очередным приступом.

Таким истерзанным кому он был нужен? Только ей. Подперев друг друга, жалея боль один другого, они шли сквозь усмешки тех, кто не знал их беды на двоих.

Александра приняла его всего, без оговорок и последующих обвинений. Большое сердце всегда любит до конца. Истерзанное и обессиленное, исплакавшееся от боли, оно находит силы только в своей бесконечной любви. Его молчаливая благодарность вернулась ей нежданной любовью. Расписались они через пару месяцев после встречи.

Смириться с тем, что жена его кормит, Александр не мог. Сильное молодое тело искало выход в работе, которую никто не давал. Поэтому выходы в большую жизнь продолжались. Очередной отказ заливался водкой. Несколько раз после последовавших на улице приступов его привозили полуживого домой.

Однажды он не вернулся. Александра металась по моргам и больницам, но не могла отыскать мужа. Через две недели ей позвонили из районной больницы, где он наконец-то вышел из комы. Он не сказал ей, кто и почему пробил ему голову. Да это и не было важно. Главное, что всё прошедшее внутренне смирило его, и тогда впервые он принял слом в организме как свершившийся и неизбежный факт. Смирился он и перед поставленным женой условием: не выходить без неё из дома. О работе речь тоже больше не шла.

Опустошённый, он бродил по дому, тыкался в мебель, углы, упирался в стены, по которым иногда наносил удары кулаком. Внутренняя боль на несколько минут замолкала от внешней: он заматывал разбитую руку, и хождение по кругу начиналось сно-

ва. Любые праздники ожидались им свирепо-оскаленно: можно было залить недожитое водкой и отключиться из замкнутого небытия.

Александра пыталась ему помочь. Она тыкалась в него, как он в мебель, стараясь нашупать ниточку, за которую его можно было бы вытянуть. Был период, когда она села пить рядом с ним, чтобы хотя бы в этом быть с мужем вместе. Но опасность этого бреда встала перед ней отчаянием и болью. Испугавшись его ненасытности в желании истребить свою неполноценность и отключить сознание, она принесла для мужа в дом ящик водки и ушла на несколько дней с детьми пожить к родителям...

Желая залить бездонность внутреннего разлома, он не видел ничего вокруг. Только открытые бутылки, расставленные по всем комнатам, как буйки, держали его в зоне условной реальности, не давая уйти в сумеречное небытие. И тогда он принял и этот разлом в себе, и их совместное существование в этой жизни, принял и надиктованное болезнью условия и бессмысленность заливания этого водкой. Своего монстра он посадил на цепь.

Александра вернулась домой и мудро попросила его приглядеть за подрастающими сыновьями, а заодно заняться ремонтом, который оказался почему-то растянуто-бесконечным её же постоянными просьбами в переделках. Дети приносили уроки и проблемы, а она – стройматериалы. Руки и голова у Александра оказались заняты.

На несколько лет жизнь вошла в относительно тихую колею. Каждое утро перед выходом на работу она стирала его постельное бельё, мокре после егоочных приступов. А вечером он встречал её готовым ужином.

Мальчишки же получили мужскую руку. Александра спокойно работала допоздна, зная, что за детьми приглядит муж. Он берёг жену, и как мог покрывал их подростковые беды. Их первая любовь, и первая рюмка проходили под его строгим офицерским контролем.

Только однажды ей пришлось понервничать. Как-то утром она увидела, что младший пятнадцатилетний сын, спит в шапке-петушке. На её недоумение он ответил несколько странно, но приемлемо: «У него вчера замерзла голова, поэтому я предложил

лечь спать в шапке».

Только вечером она увидела, что у мальчишки залеплен лейкопластырем затылок: так закончилась для мальчишки серьёзная подростковая драка. Александр ночью, когда жена уже спала, обработал рану и спрятал "все концы" под шапку.

Прошло ещё пять лет. Бесконечный ремонт перебрался на лоджию. Летом Александр стал красить окна снаружи. Неожиданно начался приступ. Падение с третьего этажа окончилось переломом позвоночника и ещё одной черепно-мозговой травмой. Операция прошла успешно. Он мог ходить по квартире в корсете, и ему, наконец-то, дали инвалидность, правда, с твёрдым обещанием врачей снять через год. Только эпилептические припадки участились теперь до нескольких раз в сутки.

Тогда же на экраны вышел фильм "К-29", и для Александра наступило последнее погружение. Он бесконечно ставил запись этого фильма, каждому объясняя, где и что находится в подводной лодке. Казалось, что глазами он ощупывал каждый винтик, видимый в кадре. Однажды он рассказал, что был на одной из подлодок, подошедших на помощь горящему "Комсомольцу", они слышали сигналы от погибающих людей, но сделать ничего не могли. Они дождались только тишины в железной братской могиле. Теперь через бесконечное прокручивание видеозаписи фильма он по нескольку раз в сутки заживо распинал свою душу.

В этом странном существовании прошёл год. Александра пачками носила домой сигареты и обезболивающее. Как и обещали врачи, инвалидность сняли. Весь следующий месяц Александр вставал рано, даже в выходные дни часов в пять-шесть утра. Шёл на кухню, варил кофе и нёс жене. Он будил Александру и на её тихое ворчание дать ей послать в единственный выходной, неизменно отвечал: «Дорогая, ты даже не представляешь, как я тебя люблю».

Вечера теперь тоже проходили тихо. Мальчишки выросли и строили самостоятельную жизнь уже на своей территории. Александр готовил и накрывал ужин теперь только на двоих.

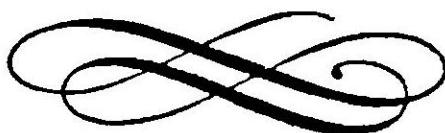
В тот вечер было особенно умиротворённо-спокойно. В какие-то минуты покой становится почти осязаемым. Даже негромкий

звук работающего телевизора это только подчёркивал. Заставка шестичасовых новостей напомнила о скором ужине. Александр поднялся с кресла: «Дорогая, я пойду, поставлю чайник и разогрею еду».

Александра досмотрела новости. Муж всё ещё не звал.

Она нашла его лежащим в коридоре. Он так и не дошёл до кухни...

Врачи сказали, что смерть была мгновенной: оторвался тромб.

Полоса отчуждения

В последнее время всё вокруг для него запуталось. Вначале роман воспринимался как приятное времяпрепровождение ночных дежурств в больнице и как противовес давно заржавевшему браку... Через двадцать лет совместной жизни можно было с уверенностью и без сожаления признать полное банкротство: вложенная любовь перестала приносить дивиденды ещё лет десять назад, а к текущему моменту всё ушло к линии полного внутреннего разорения.

Супруги не имели ни сил уйти друг от друга, ни нового плацдарма для построения другой, лучшей жизни. Временами Валерий сам внутренне удивлялся, почему иногда такие мёртвые пары не расходятся, давно не имея ничего общего, кроме, разве что детей. Ржа совместного вынужденного пребывания скрепила в особый монолит неживой механизм их брака, временами отпадая ломтями скандалов и мелкой крошкой взаимных придиорок.

К жене внешне трудно было придаться: в квартире – порядок, еда – в холодильнике, сын – в школе. Да и сама Ольга была интересной, холеной бабёнкой в свои ягодные сорок пять. Холила и лелеяла она себя всегда: и косметическими процедурами, и самыми вкусными кусками.

В своём доме она была царицей. Вот только подданных ей не требовалось. И зрителей – тоже. Нужна была тишина и свободный доступ к вкусненькому, да ещё к классическому набору для сибаритства – кофе, сигаретам и детективам. Для тихого проживания мешали все, кто отвлекал больше, чем на час. Поэтому муж набирал себе бесконечные дежурства в больнице, а сын уходил к друзьям.

Впрочем, сына она, безусловно, по-своему любила. Раздражал только подростковый период. Внутренняя подвешенность юности над пропастью взрослой возни её утомляла. Говорить с сыном было трудно, она прерывала любые дебаты на повышенных тонах, оставляя всё без четких пониманий добра и зла: в конце концов, вырастет и разберётся сам. Муж права голоса не имел. Этой царице царь был не нужен: дал денег – и свободен, мало

дал – тем хуже...

Сам Валерий был другим. Только однажды он проявил невозможное прежде упрямство: когда выбрал себе жену – Ольгу. И доводы своего отца о том, что пролетарско-крестьянское происхождение девушки обязательно скажется на его жизни, были отброшены без колебаний, уж слишком он полюбил свою царицу.

Последующие двадцать лет Валерий носил на алтарь жены жертвы так любимые ею деньги, детективы и деликатесы. Носил бы и дальше, если бы не сложилась крайне тяжёлая для него ситуация...

У каждого врача своё кладбище: в больнице после тяжёлой операции от пневмонии скончался молодой парень. Ошибки его как хирурга не было, просто организм больного был ослаблен. Такие осложнения случаются. Но всё равно началось серьёзное разбирательство. Нервы были перенапряжены, и впервые за все годы Валерий пошёл за успокоением к жене...

Только ожидание сочувствия не оправдалось. Царицу беспокоили...

Он с удивлением смотрел на домашнего монстра, визжавшего и махавшего на него руками. Короткое удивление сменила пустота.

С этой пустотой он прожил потом пару лет. Вокруг него вились и медсёстры, и врачи, и просто женщины. Он ни на кого не смотрел, пока на приём к нему не попала она – Оксана. В кабинете для дальнейшего осмотра ей пришлось раздеться. Взглядом профессионала он сразу определил её хронические заболевания: сколиоз, варикоз, но... как держится. Впервые он вдруг увидел не царицу, а женщину. Ощущение пустоты отошло. Препятствий, чтобы встречаться, тоже не было. У каждого из них в семьях была схожая ситуация – полоса отчуждения.

Царица забеспокоилась не сразу. Сумма денежных отчислений не убавлялась, только муж оставил её в совершенном покое. Вначале Ольга даже обрадовалась. Теперь колдовать над своими любимыми блюдами для себя одной стало возможным до бес-

конечности. Также до бесконечности стало возможным читать детективы. Тем более, что у сына появилась девушка, и Вадим растворился для Ольги за горизонтом её видимости. Вырос, и слава Богу! Первый курс института предполагал такое развитие событий.

Новизна отношений захлестывала Валерия через край. Оксана приходила к нему в кабинет достаточно поздно. Правда, никогда не оставалась на всю ночь. Ему казалось, что он никогда так счастливо не жил. Впервые его теплота была востребована, и она изливалась на Оксану. Оксана не просила денег, потому что как успешный предприниматель ни в чём не нуждалась. Только напряжённая работа сказалась на здоровье сорокалетней женщины. И Валерий делал для неё все возможное.

Однако, мир не без добрых людей. И «царицу» обеспокоили звонком очень бдительные граждане. Она вначале взвилась вверх не столько от того, что почувствовала себя оскорблённой как законная супруга, сколько от того, что "люди узнали". В любом случае, для Валерия настал ад. Сцены были ежедневными, и когда она поняла, что у мужа выработался на неё стойкий иммунитет, помноженный на высокую степень его чувств к Оксане, она растерялась. Правда, ненадолго. В свои сцены она стала вовлекать сына. Вадим был эмоционально сильнее привязан к матери, чем к отцу, и, не задумываясь, встал на сторону Ольги.

Полугодовая оборона однажды закончилась страшной сценой. Ольга заметила, что муж внутренне тяжело реагирует только на её пощечины. Каждый раз он бледнел и сразу же уходил из дома, еле сдерживаясь. Но в тот день Валера ей ответил. Ольга влетела в комнату сына. Из разбитой губы текла кровь.

— Посмотри, что со мной сделал твой отец!

Вадим налетел на отца с кулаками. Только юноша не рассчитал, что силы будут неравны. Поэтому через мгновение отлетел в угол. Валерий хлопнул дверью и направился в больницу. Впереди его ждало ночное дежурство. Их районный центр был небольшим, и наплыва работы он не предвидел. Зато ему надо было

многое обдумать.

Особая пустота ночного здания напомнила Вадиму его собственную пустоту. Мысли бродили и ударялись гулко своей безответностью в голову, как звуки в голые стены неживого коридора. Они бесплодно блуждали и возвращались назад в корябующееся сердце, предлагая только бессмысленность жизни.

Даже в третьем часу ночи сон всё ещё не шёл к нему. Звонок телефона заставил его сесть на кушетку. Из приёмного отделения предупредили, что «скорая» уехала на вызов: ножевое ранение. Валера умылся и позвонил наркологу домой:

– Одевайся, Серёжа, сейчас за тобой подъедет машина. Проникающее ножевое ранение в область сердца.

Больной лежал на каталке. Тридцатилетний красавец был бледен и от него сильно пахло алкоголем. Ранение было серьёзным, но сердце нож не задел. Валерий тревожно ходил из угла в угол. Нарколога всё ещё не было. Время же не ждало.

Он повернулся к медсестре:

– Где Сергей Петрович?

Та, пряча глаза, ответила, что машина сломалась в дороге, и тот добирается пешком.

– Это слишком долго. Мы можем потерять больного. Зови из гинекологии Маркова. Он может дать наркоз.

– Марков предупредил, что не придёт, – по-прежнему глядя в пол, ответила Маша.

Валерий в удивлении повернулся, посмотрел на медсестру, и вдруг сердце стало проворачиваться в его груди острым камнем.

– Кто его порезал?

Та молчала.

– Я спрашиваю, кто его порезал?! – Валерий уже кричал.

– А то не понял. Твой сын. Поэтому и Марков не придёт. Это уголовное дело, да и ты тут будешь замешан и как оперирующий хирург, и как отец убийцы! – выкрикнула медсестра и выскоцила за дверь.

Валерий остановился возле каталки и уже по-иному посмо-

трел на лицо пострадавшего. Нос умирающего заострился.

Кровь шумела у Валерия в ушах и давила так сильно, что, казалось, вот-вот начнёт течь даже из глаз.

– Господи!

Услышав в гулкой комнате свой стон, он вздрогнул и с неимоверным усилием воли взял себя в руки: сейчас в нём должен был остаться только хирург.

Через несколько резиново-неживых минут вошёл нарколог. Когда операция началась, сердце больного ещё билось, только время было безвозвратно утрачено. Кровь всё это время выливалась в околосердечную сумку. Потом сгустки поджали сердце. Теперь Валерий вычищал эти сгустки и не позволял себе думать.

Сердце умирающего остановилось...

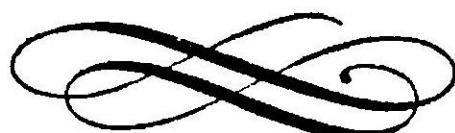
Ольга спала крепко и телефон услышала не сразу. Сквозь облипший сон она услышала безжизненный голос мужа:

– Оля, наш сын в драке в баре порезал человека. Я сделал все, что мог, но парень умер...

Та несколько секунд молчала, а потом раздался её крик:

– Это ты во всём виноват!

Валерий повесил трубку. Пустота вернулась, а руки вдруг налились такой непосильной тяжестью, как будто на них сразу навалился все передачи, которые он должен был носить сыну следующие десять лет...

Дорога в...

Две подруги весьма бальзаковского возраста отмечали в ресторанчике маленько торжество на двоих. Галину и Нину связывали годы проверенной дружбы. К тому же радость эта была особенной: свадьба одной при удачном сватовстве другой. Для них событие было трогательным ещё и потому, что за плечами "молодожёнов" остались преодолёнными не только одиночество, но и руины убитых браков. Взрослые дети их не обременяли, работа была уже вторична, да и пик карьеры был позади. Жизнь несла на волне, когда прежде разбросанные камни собирались, принося плоды и маленькие радости.

...Безоблачность отношений Нины и Анатolia длилась где-то год. Потом выяснилось, что под развалинами бывших семей, казавшимися мёртвыми после пережитых ядерных взрывов, затаялась непросчитанная жизнь. Десятки лет радиации непрощённости и зависти выкордили своих мутантов: потенциальные наследники обеспокоились устойчивыми отношениями, явно переходящих в разряд устойчивых поздних браков.

Ненависть предпочтительно употреблять в холодном виде. К такому выводу подвёл отпрысков их весьма самостоятельный возраст, который к тому же позволил им скординировать свои действия на длительной дистанции интриг. Основательная проработка тактики, приправленной внуками и подарками по всем праздникам, припорощенной намёками на меркантильность "видавшей виды" пассии, пробила свои трещины.

Анатолий стал замыкаться и жаловаться на здоровье. Дети в срочном порядке оформили ему путёвку в санаторий, где заодно оплатили одновременно лечение и себе.

Однако, разрыв произошёл не сразу. Он мелочно придирился, она благодушно терпела, понимая женским сердцем безвозвратность их отношений. Нина, сколько могла, продлевала уходящее семейное счастье, прекрасно осознавая, что продублировать его с кем бы то ни было из-за заморозков седины и годов, скорее всего, будет уже невозможно. Но чуда не произошло. Наступивший ледниковый период открытых оскорблений заставил её собрать вещи

и вернуться к себе. И к сыну.

Владимир без единого вопроса погрузил чемоданы матери в машину и упрямо молчал по дороге вплоть до их возвращения в квартиру.

Зализывание ран с годами принимает характер тихой хроники. Пощипывает нос, – но не плачется, хочется выговориться – но рука не тянется к телефону, к тому же от перечисления близких друзей становится ещё печальнее – их почти не остается. Поэтому прошло несколько дней после возвращения Нины к себе домой, прежде чем она набрала номер Галины.

Разговор был достаточно коротким: правда трудно проговаривалась, застrevала в гортани, заставляя першить горло, и тяжело проваливалась фактами на дно усталости. Четыре года с Анатолием было непросто вычеркнуть. Подруги решили встретиться где-то через неделю-другую, чтобы проплакаться и поддержать друг друга.

Однако, прежде, чем их встреча состоялась, им пришлось пережить потрясение.

Анатолий, несмотря на видимое форсирование разрыва неожиданно тяжело пережил пустоту вокруг себя после отъезда Галины. Сердце схватило не на шутку, и его срочно госпитализировали. Врач подошёл к его состоянию очень серьёзно, обследовал тщательно, а затем вызвал к себе на отдельный разговор. У Анатолия нашли СПИД. При этом, согласно тем же анализам, болен он был не менее десяти лет, и обязан был уведомить свою последнюю женщину.

До того момента Анатолий думал, что ему уже всё равно, когда и от чего он умрёт: годы шли уже в сторону заката. А тут оказалось, что он хочет жить изо всех сил и не желает чувствовать себя умирающим. Анатолий готов был принести в жертву любые деньги и даже любимую работу. Крепости в себе, чтобы позвонить Нине, он не нашёл. Его сын позвонил Владимиру и, ссылаясь на тяжёлое состояние отца, попросил того переговорить с матерью самому.

Владимиру понадобилось три дня, чтобы подготовить себя к этому разговору. Мать выглядела почти счастливой, готовя все эти дни его любимые блюда и делая генеральную уборку во всей

квартире. В тот день он долго сидел в машине у подъезда. Голова отказывалась думать, он даже не пытался подыскивать слова. Просто искал внутри себя точку опоры, от которой можно было бы оттолкнуться и двинуться вперёд. В какой-то момент он просто заставил выбраться себя из машины.

Нина была на кухне. Владимир подсел к столу.

– Мама, сядь, пожалуйста. Нам надо поговорить!

Та удивилась той тяжёлой серьёзности, с которой он всё это произнёс, и сразу же опустилась на стул рядом с сыном.

– Мама, мне звонили из госпиталя, где сейчас лежит дядя Толя. Мама, постараитесь выдержать то, что я сейчас произнесу: у него обнаружили СПИД, и тебе тоже надо пройти обследование.

Владимир готовил себя к этому, но тот вой, который он услышал, сорвал его изнутри. Нина выла и выла. Слёзы пришли гораздо позднее, не давая облегчения. У неё было ощущение, что её расстреляли, только почему-то она всё ещё жива, а пуля сидит в сердце, убивая ее по миллиону раз в секунду. При этом она хотела только одного: жить, жить, жить.

Агония заживо продолжалась долго. Под конец душевное истощение дошло до предела, и она затихла, лёжа на полу в кухне. Владимир отнёс мать на кровать и остался сидеть у неё в ногах до рассвета.

Идти в СПИД-центр одна она не смогла. Владимир подвез её и долго ждал, прежде чем мать на ватных ногах, тяжело припадая на его руку, добрела обратно до автомобиля. В машине Нина не плакала, только лицо было поведено судорогой боли.

– Мать, ты что молчишь? Что сказали?

Нина повернула голову. Судорога, казалось, усилилась:

– Это был допрос.

– ?

– Допрос с пристрастием. С кем и когда я спала, сколько раз... Ковыряли так, что я думала, сойду с ума. Какая грязь. Лечение назначат, если показатели крови будут ухудшаться.

Владимир резко и с визгом рванул машину.

Галина стояла в пробке, когда Нина ей позвонила. Короткое сообщение подруги заставило её припарковать автомобиль и на чать глазами искать аптеку. Фармацевт по её лицу догадалась сра-

зу же предложить сердечное и успокоительное. Женщина взяла ещё минералку, и тут же в аптеке выпила лекарства. Затем она долго стояла у окна и остановившимся взглядом смотрела на улицу. Тяжесть на сердце стала подниматься тяжёлым комом к горлу. Этот ком только душил, но не давал выход слезам.

"Так, наверное, чувствуют себя невольные убийцы, – подумалось ей. – Благими намерениями вымощена дорога в ад. Теперь, "сваха", живи с этим!"

Спазм в горле стал нестерпимым. Чтобы вздохнуть, Галина вышла на улицу. Легче ей не стало: безысходность обвивала смертельной удавкой. Она стояла, понимая, что помочь некому. Колокольный звон заставил её вздрогнуть. Она подняла голову вверх и увидела купола церквушки.

– Бог! Только Бог! – и она побежала через дорогу к храму.

Галина летела и вспоминала своего дедушку, который до закрытия храма в деревне был церковным старостой. Он до самой смерти ей повторял, что если будет беда, то надо просить святителя Николая, потому что тот великий чудотворец. И всегда показывал ей на свою любимую икону святого, где тот был нарисован в митре, как сам дед говаривал, "Никола-шапошный".

Галина пробежала мимо свечной лавки и вошла, крестясь, в тёплый сумрак церкви. Пахло ладаном и воском. А справа от входа на неё смотрел из киота сурово и терпеливо тот самый, "шапошный". Галина плакала перед ним долго, очень долго. Теперь она знала, что делать: просить и просить.

Ненадолго жизнь замерла нездоровым ожиданием. Работа отвлекала, здоровье не подводило. До одного дня.

Галину схватил приступ стенокардии, и её срочно госпитализировали. Через сутки она набрала номер Нины, и та сказала, что крайне тяжело переносит вирус, поэтому участковый врач пророчил ей тоже госпитализацию.

Через три дня Нина лежала в той же больнице, что и Галина, но уже в неврологии. Врачи бились с непонятным для них течением заболевания: у неё отказали ноги, да и руки работали очень условно: сильный трепет не давал держать даже ложку. Вирус буквально сжирал у нее нервные окончания. Галина вышла из больницы через неделю на своих ногах, а Нина через месяц – в

карете скорой помощи инвалидом.

Владимир носил мать на руках в ванную и купал как ребёнка. Ей дали первую группу инвалидности, а ещё ощущение списанности: много времени врачи ей не оставили. Владимир бегал по светилам, но все только разводили руками.

В СПИД-центре он устроил погром. Повторные анализы показали крайнее ухудшение состояния матери, и лечащего врача уволили за халатность. Главврач в своём кабинете потом долго разговаривала с Владимиром, полууспокаивая, полуизвиняясь.

— Вы поймите, врачи здесь быстро выгорают. Иногда думаешь, что сойдёшь с ума. Ладно, когда болеют наркоманы или простиутки, а когда дети новорожденные! Сил нет. И слёз тоже. А у пожилых что творится! Думают, раз старые, так возраст — это гарантия. Гарантия от чего? От последствий? У нас тут закрытая информация: разглашать нельзя. Недавно проходил по документам молодой любовник моей подруги. У него нашли всё, что только можно. А я ей сказать ничего не могу! Кстати, она на два года моложе вашей матери. Вот так! А лечение я Вам гарантирую.

С тем Владимир и ушёл. Матери лучше не становилось. Её медленно добивало отчаяние. Одно его утешало: оставаясь одна, наложить руки на себя она физически не смогла бы. Нина не смогла бы поменять себе и подгузник. Возможно, именно из-за отчаяния матери он не стал мешать Галине приглашать раз в месяц в дом священника...

После этого Нина стала поправляться: медленно, очень медленно. Через полгода инвалидную коляску, которую она получила как инвалид первой группы, Владимир отвёз вместе с Галиной для пожертвования в тот храм так и нераспечатанной.

Нина ходила на своих двух ногах ещё нетвердо, но уже без палочки. Ещё через два месяца она сама дошла до храма, чтобы приложиться к иконе, где строго и с любовью смотрел на неё Николай-чудотворец. А затем, тоже своим ходом, пришла на приём к неврологу, чем удивила врача нескованно: они с коллегами из медкомиссии её давно похоронили...

Безымянная высота

Будильник Семёну Ивановичу был не нужен. Каждый день он просыпался ровно без четверти шесть. А потом у него было впереди ещё полчаса тишины, именно его свободного времени, пока не просыпалась его Катюша. Каждый день он вглядывался родное лицо жены и в такие любимые им «майские» глаза – глаза глубокого голубого майского неба. В её глазах жизнь подарила им кусочек вечной весны. Только весна эта последние десять лет была подёрнута особой проволокой: однажды пришедшим безумием. И это ежедневное вглядывание каждый раз давало только подтверждение разлома между Здесь и Сейчас, и тем, что осталось в её треснувшей памяти, каждый раз корябая его сердце тихой болью всё принимающей любви.

Память у неё тогда треснула сразу же после майских праздников. В тот день Семён Иванович проснулся как всегда. Потом минут десять лежал, не шевелясь, прислушиваясь к ноющей боли в колене. Затем осторожно повернулся на бок, чтобы свесить ноги. Комната светилась особым весёлым и нежным переливом восходящего весеннего солнца. Воробы уже дружно орали через открытую форточку. Жёны на койке напротив не было. Он не удивился, а тихо ждал несколько минут, когда, возвращаясь из ванной или кухни, она привычно зашаркает тапочками по полу.

Уже сидя на койке, Семён Иванович продолжал прислушиваться, но слышал только шум в ушах, который остался у него после фронтовой контузии. Однако замершая тишина слишком затянулась.

Семён Иванович по-стариковски крякнул, поднял себя вверх, попробовал расправить колени и взялся за палочку. Он не торопясь обошёл их небольшую двухкомнатную квартиру. Катерины Степановны нигде не было. Входная дверь была закрыта не только на замок, но даже на цепочку. Недоумевая, он откинул штору в зале, чтобы пустить в комнату солнечный свет. И вдруг увидел на подоконнике маленькую сухонькую фигуру своей жены. Она сидела на подоконнике, подтянув к себе ноги и уперев подбородок в колени. Правая рука крепко сжимала ручку окна. На имя она

откликнулась, но так и не признала своего мужа.

...Она "ехала" в поезде к своей маме в Кинешму; и на дворе стояли голодные тридцатые.

В тот раз май их подвёл.

Так началась эта её поездка в никуда с полными карманами сухарей. Почти каждый день Семён Иванович снимал жену с подоконника, а она плакала, как ребёнок, утыкаясь своей головкой в неизменном ситцевом платочке ему прямо в сердце. Сердце ныло, но отступать было некуда, как тогда, в сорок третьем, на безымянной высоте, когда он принял огонь на себя, чтобы спаслись другие... И вопреки всему выжил. Правда, контузило.

С будущей женой, Катюшой, он встретился сразу же после войны, когда устроился на кирпичный завод водителем и стал квартироваться в её доме. А через три месяца поселился в нём навсегда уже как муж. Годы потекли спокойно и размеренно, хотя детей у них не было долго: ослабший за годы войны организм жены не принимал в себя другую жизнь. Только через десять лет родился Матвей.

В шестидесятых их семья получила квартиру в «хрущёвском» доме. Радость наполненной жизни била через край: рос сын, а на них, мужчин, всегда глядел с любовью кусочек майского неба. Скольжение времени мало ощущалось: работа продолжилась и после пенсии. Только утруженные руки любимой Катеньки со временем наполнились вспухшими венками, пальцы согнулись, а каждое коричневое пятнышко на истончённой старческой коже напоминало ей песчинки в особых песочных часах, отмеривших почти пять десятков их счастья.

Распад Союза они приняли молча и умудрённо: пережитое заставило перейти к новому выживанию. Только на этот раз утешительная молодость осталась далеко — в тридцатых-сороковых годах. Встревоженная старость убрала переживания о себе самой, заставив думать о продолжавшейся жизни сына и внуков. Старики истощённо-надрывно пытались помочь семье Матвея выкарабкиваться во всеобщем безумном движении в тупик распада.

Их потребности свернулись к давно забытому минимуму.

Также тихо старики приняли отъезд сына в Москву на заработки, чтобы его подросшая семья смогла свести концы с концами. Так Матвей поехал в столицу, а вскорости в Кинешму "поехала" и его мать. В образовавшемся разломе пришлось всё перестроить: теперь внуки привозили продукты, а Семён Иванович, не выходя из дома, в эти запредельно тяжёлые для него десять лет просто отстаивал свой последний рубеж: "не сдавал" свою Катеньку.

Где-то за полгода до возвращения сына, он понял, что слепнет. Глаукому лечить было уже поздно. В подступившей темноте точкой отсчёта в бесконечно тянувшейся череде дней была жена.

Катерина Степановна была старше мужа на три года, а потому всегда руководила. Даже находясь в особом измерении безумия, между своими исчезновениями на подоконник, она царственno ступала по комнатам, уверенная в важности встреч с окружающим. Былая стать на несколько часов возвращалась к ней, когда приезжали наведать взрослые внуки уже с правнуками. Дети возились, а Катерина Степановна сидела смирно и важно на стуле и довольно покачивала головой. Впрочем, никого не узнавая.

Чаще всего к старикам приезжала младшая внучка Лена, которая в свои тридцать лет так и осталась в девках. Одиночество дало ей свободное время и незанятое сердце. Метания внутри семьи Матвея и особое одиночество деда поставили вопросы, ответы на которые нашлись для неё только в церкви. Затянувшееся ожидание решений тягостных вопросов и смирение отцветшей молодости подарили ей чистоту и молитву. Впрочем, на её просьбы принять священника, дед отвечал отказом: какой из коммуниста верующий!

Выплакивание горечи и боли сердца давали ей силы входить в квартирку деда и принимать на себя то, что выматывало не только физически, но и морально. Она не уставала удивляться терпению деда в выслушивании жалоб бабушки: все детские обиды переживались ею снова и снова, давая бесконечную череду жалоб, причитаний и слёз. А её саму бабушка называла Бобок. Поначалу Елену это корябало, но мысль о том, что это кличка какого-то друга или подруги из детской памяти бабушки связала их полуре-

альное настоящее и далёкое прошлое: и это перестало тяготить.

К зиме Матвей вернулся из Москвы окончательно. Подкравшийся пенсионный возраст уже больше не давал ему сил справляться с громадой столицы, да и старики навалились на семью уже всей тяжестью последнего рубежа.

Сыну Семён Иванович обрадовался как подмоге: его тыл был теперь прикрыт. Он тихо плакал, обнимал Матвея и гладил его по голове, нашупывая руками долгожданную радость. Они снова были вместе. Правда, старики теперь не видели: один ослеп сердцем, другой — глазами. Уставшему, изношенному, пожившему сердцу было уже на кого опереться, и оно тихо отпустило жизнь. Где-то через месяц после приезда сына Семён Иванович не смог встать с кровати: силы ушли совсем.

Теперь дежурства внуков и сына стали ежедневными.

В "Леночкин" день он неожиданно сказал ей:

— Ты знаешь, году в двадцать седьмом такой у нас в деревне случай был. На крещение поп наш, отец Александр, пошёл на Иордань, а мы, мальчишки, за ним увязались. Он перед прорубью и говорит: "А вы креститься не хотите?". Я один, да ешё Фелька, друг мой, согласился.

Елена удивлённо слушала признание леда. От неожиданности она присела рядом с ним, а тот, не замечая, тихо отыскивал прошлое:

— Священник-то после того крещения слёг: парализовало его. Вскорости и умер. Да и возраст у него уже был не маленький: за семьдесят. Церкви нашу после того закрыли за безнадобностью, потому как служить было некому.

Старик помогал, а затем продолжил:

— Я вот думаю, не зря же он тогда из-за нас в воду так на долго полез. Может, через то и хворь с ним приключилась. Вроде, как из-за меня. Я это к тому говорю: позови-ка ты баптишу...

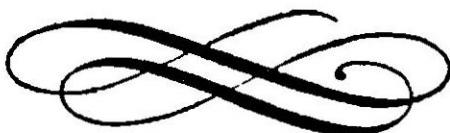
Через несколько дней священник прособоровал и причастил старика. А к утру Семёна Ивановича не стало.

В день похорон Катерина Степановна сидела склонной и важно кивала головой всем родственникам, пришедшими на поминки. Выражением, по-прежнему никого не узнавая. Казалось, она совсем не почувствовала уход супруга из жизни.

С того дня с ней стали оставаться попеременно Матвей и Лена. А Катерина Степановна целыми днями говорила и говорила. Связи с происходящим не было, только её хромая память выпускала прошлое маленькими петельками случайных воспоминаний. Она ругалась, когда Матвей пытался прервать бесконечные бессмысличные разговоры матери. Она тут же начинала плакать и звать Сёмочку.

Через девять дней после смерти супруга старушка стала заметно слабнуть. Оставаясь в комнате одна, она не вспоминала больше про Кинешму, а часами "разговаривала" теперь уже только со своим любимым Сёмой...

День её смерти совпал с сороковым днём ухода из жизни мужа.

До конца

Тяжёлая жизнь с самого детства и в зрелые годы не оставила ей крепкого здоровья. Поэтому старость предложила только боль, нужду и веру.

Евдокия Степановна всё вынесла на своих плечах: голод после раскулачивания родителей, медленное умирание во время войны, осознанно выбранное самоистязание на трёх ставках ради постройки своего дома и бесконечно тяжёлую работу на заводе.

Муж-фронтовик ушёл из жизни слишком рано, поэтому дети всё лето проводили в пионерских лагерях, а пару невыносимо тяжёлых для неё лет после смерти супруга – даже в интернате. Старшая дочь Мария росла спокойно. Незаметно для самой матери она закончила школу, ещё в техникуме вышла замуж и в тягостном трудовом надрыве повторила судьбу Евдокии. В стране больше не раскулачивали, но слом девяностых высосал остатки сил и надежд на безысходном надрывании жил на низкооплачиваемой работе и клочке земли, продливавшем упрямо теплившуюся жизнь.

А вот сын Владимир заставил ныть сердце матери достаточно рано. Разбитная жизнь смолоду не очень на нём сказывалась. Здоровьем он пошёл в деда-железнодорожника: тот мог на спор поднять колесную пару. Правда, Владимир был, как говорится, "рукастый". На заводе его ценили, что очень льстило парню. Но массовое закрытие предприятий в разваливающейся стране остановило его один на один с водкой и безразличием вымирания.

Евдокия Степановна безропотно приняла на свои согнутые плечики и этот крест. Потянулись годы безмолвного ужаса, когда распад вначале в семье сына, а затем и его собственной, не оставил ей даже щёлочки для облегчённого вздоха. Семья у Владимира развалилась через несколько лет после рождения ребёнка-инвалида. Мальчик понёс на себе выпитое родителями море водки. Жена опустилась на дно быстрее Владимира. Сразу же после развода, забрав больного ребёнка, вместе с гарантированной детской пенсией она уехала пить в деревню, где проживание было дешевле городского.

Днём Евдокия колготилась по дому или обречённо ждала возвращения пьяного сына. Это ожидание расслабляло и выматывало одновременно, не оставляя мыслей в голове. Когда сын был дома, становилось одновременно и легче, и тяжелее: он приносил новую порцию боли, но был хотя бы рядом, под её материнским присмотром. По ночам, когда Владимир спал в тягостном винном угаре, хрипел во сне и кашлял, а она в своей комнатке украдкой плакала и молилась.

Привыкшая к боли, она долго терпела и пошла к врачам слишком поздно. Грудь отрезали, но метастазы уже поразили практически всё тело. Ожидание смерти усилило скорбь и молитву. Иногда наступало внутреннее утешение, дававшее особую надежду. Боли она терпела без крика, хотя обезболивать всё равно было нечем. По ночам боль неизбежно усиливалась, но пьяные крики сына заставляли Евдокию подниматься с постели и облегчать уже боль сына. Тот же валялся на полу в блевотине и нечистотах, и рычал от изматывавшего похмелья, усиленного принятым суррогатом. Плача тихими слезами, молясь и крестясь, она начинала выгребать навороченное сыном. Умирать ей было не страшно.

Евдокия долго ничего не говорила дочери: Марии и без того было слишком тяжело под ношей своей семьи и от немощи собственного тела. Только за неделю до смерти она вызвала дочь, чтобы уже навсегда попрощаться. Она оставила ей напоследок странные слова-завещание: "Вот увидишь: я умру – Володя пить бросит. Ты только потерпи..."

Смерть матери прошла как бы мимо Владимира. Страшный и взлохмаченный, он тупо смотрел, как хлопотала приехавшая сестра. Та с трудом передвигала свои слоноподобные больные ноги по кухне, перетаскивая бачки с едой для поминок.

После поминок началось страшное. Он выносил из дома всё, что мать собирала всю свою трудовую жизнь: дешёвые советские сервисы, хрусталь, ковры, чтобы тут же обменять на бутылку самогоня. Подпольный шинок на их же улице безразлично пожрал даже личные вещи Евдокии.

Однако крестьянский костяк так просто было не перебить. Сползание на дно было мучительным и долгим. Дно же приняло Владимира зыбким вонючим илом безысходной апатии и бездум-

ностью. Работать он уже совсем не мог, только пил непонятный спирт, раздобытый в шинке.

К постоянной физической тяготе похмелья стала добавляться и тяжесть от обнищания. Пока была жива мать, для Владимира ещё оставалась возможность выглядеть прилично: та до последнего кормила и одевала Владимира на свою пенсию, оплачивала расходы по дому. Сестра же могла носить ему только еду. Привыкший к вниманию женщин, он корчился от их скользящих по нему пустых взглядов. Женщины-событильницы были для него невыносимо омерзительны, но обречённо необходимы.

Где-то через год после смерти матери, в очередной раз залившись в шинке вонючей жидкостью, Владимир упал замертво. Событильники отволокли его домой и вызвали «скорую». Прибывшая бригада врачей безразлично констатировала смерть, когда тело Владимира начало шевелиться. Он поднялся, пьяно помотал головой и подписал отказ от госпитализации. Ещё некоторое время он пил как по накатанной, но как-то без интереса или нужды. А потом просто бросил.

Силы возвращались к нему медленно. Он тихо бродил по им же самим разграбленному дому, мотал головой и мучился теперь уже совсем другими муками. Вину перед матерью он теперь отрабатывал заботой о доме. Огород был вылизан, чистота в комнатах – идеальна. Соскучившись по работе, он готов был пахать и пахать. Вместе с ним задышала и страна: снова заработал родной завод Владимира, куда он благодарно вернулся.

За трезвой работой вернулось и благополучие. Владимир отремонтировал дом и вызвал из деревни уже пятнадцатилетнего сына. Упущеные годы молчаливым упрёком смотрели на него теперь бездумными глазами Ивана: пьющая мать так и не смогла дать ему должного лечения, да и педагогическая запущенность била в глаза – в деревне не было даже толковой школы. Однако парень был приучен к работе на земле и привычно ковырялся теперь в огороде отца.

Владимир старался отдать сыну всю свою вернувшуюся любовь. Он обставил его комнату и купил хорошую аппаратуру. Невзрослеющий разум подростка давал сыну возможность постоянной детской радости этим подаркам. Возможно, именно эта

нетронутая непосредственность сына и подарила Владимиру в последующие десять лет ощущение вернувшейся молодости, какого-то второго шанса.

Он встретил подругу. У Ксении уже выросла своя дочь, и она могла спокойно проводить вечера по-своему, не оглядываясь на часы. Красивая зрелая пара наслаждалась своей жизнью. Только о браке никто не говорил. Владимир не мог предложить ей в качестве груза сына-инвалида, а она и не хотела ничего нести: как мать-одиночка, она слишком нахлебалась за последние двадцать лет. Жизнь тихо скользила по рельсам, только это наложенное проживание было сорвано неожиданным поворотом.

Как камень, случайно попавший в точку напряжения, без усилий ломает стекло, так и осложнившиеся обстоятельства ломают одинокую взвинченную душу, опрокидывая давно сложившегося человека в пьяный угар. Замужество дочери и появление на свет внучки принесли в дом Ксении вначале недопонимание, а потом открытое противостояние. После очередного скандала Ксения сорвалась в запой. Срыв оказался шагом в пропасть. И это не было медленным схождением вниз, скорее, свободным падением в бездну.

Пьяного мужика ещё пожалеют, а опустившаяся женщина вызывает у большинства только чувство гадливости. Когда пьяная Ксения ввалилась во двор, Владимир вначале отшатнулся от увиденного. Дно знакомо чавкнуло и пахнуло на него вонью перегара. Неожиданно для самого себя он взял Ксению на руки и понёс в летний душ в саду. Та сопротивлялась, упираясь ногами и руками, а потом долго мякула кошкой под холодной водой. Так полоскал он её всё лето. Иногда она пропадала надолго, скрываясь от его крепкой руки, но как загнанный заяц опять возвращалась на старый след.

Владимир держал оборону два года. Он осознанно воевал теперь уже с её дном. И он победил. Запои у Ксении становились всё реже, а потом она бросила пить совсем. Их совместные прогулки снова возобновились, тихо потекли размеренные месяцы, потихоньку намывавшие годы.

Апрель встретил его не только взорвавшейся жизнью, но и резкой болью. Печаль приговорённого к смерти через растерза-

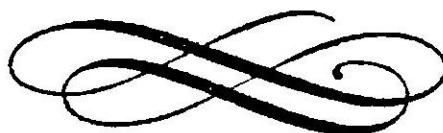
ние тела раком заставила взять в руки стакан с водкой. Через несколько часов выпитое вывернуло его на изнанку. Он встал и, сжав изо всей силы зубы, пошёл в летний душ. Холодная вода встряхнула не только голову. Владимир теперь уже твёрдо знал, что дно его не дождётся.

Он прошёл все этапы лечения, но приговор был лишь несколько отсрочен. Отчаяние выплёскивалось злом. Некоторое улучшение в самочувствии давало ненадолго иллюзию победы, затем снова наступало саможаление. На линии обороны держал только сын.

Уже поздней осенью Владимир с сестрой пошёл на кладбище. Убрав могилку матери, они тихо брали по узенькой кривой тропинке между могилок. Под ногами мягко продавливала влажная сопревшая листва и поседевшая трава. Воздух сладковато пах умершей зеленью. Проходя мимо свежих могил, Владимир вдруг остановился и, помолчав немного, сказал Марии:

– Когда я умру, поставь мне такой же простой деревянный крест. Больше мне ничего не нужно. И позабочься о сыне.

Дома он долго копался в старом комоде, крашенном коричневой половой краской. Наконец, он нашёл на самом дне под газетой медный крестик, который когда-то напрасно пыталась повесить на него мать. Последнее, что могло пройти с ним из бытия в Бытие...

Дядя Серёжа

Лёгкий и худенький, вечно спешащий из ниоткуда в никуда, он сначала пунктиром вошёл, точнее, вернулся, в жизнь моей подруги как законный отец, когда ему уже было за пятьдесят.

Танины родители были забавной в своей несовместимости парой. Дядя Серёжа был из семьи потомственных военных, закончил юридический институт. Великолепно воспитанный, интеллигентный, холёный, правда, почти всегда слегка «навеселе», он говорил красиво, правильно и умно. Но слабость к алкоголю и какая-то внутренняя неуверенность делали любую его речь неубедительной и никчёмной. Он всегда старался говорить как можно быстрее, как будто боялся, что его в любой момент прервут. Поэтому часто дёргался, при этом особо прихлёбывал слону, часто дотрагивался до собеседника рукой, будто удостоверяясь в его внимании к своим словам.

Тётя Вера, напротив, была обычной деревенской женщиной, "лимита", без образования, привыкшая с пятнадцати лет заботиться о самой себе, и сама же себе заработавшая тяжёлым трудом на заводе и свою однокомнатную квартиру, и всю простую обстановку в ней.

Пересеклись они совершенно случайно. Он прочёрчивал очередной пунктир случайной связи, она же спешила родить ребёнка в свои тридцать восемь лет. Когда появилась Танюшка, он легко признал дочку и дал ей свою фамилию. Но тут грозно и твёрдо за счастье своего сына встала новоиспечённая бабушка. Она отслеживала все встречи с ребёнком и старалась делать их максимально редкими. Поэтому в последующие семнадцать лет Танюшкиной жизни случайные встречи с дочерью прорисовывались всё реже. При этом поздравительные открытки ко дню рождения внучки подписывались бабушкой всегда лаконично-отрезвляюще: "Семья Власовых".

Пока Татьянин дед был жив, дядю Серёжу держали на работе, уважая былые заслуги отца, ветерана и серьёзного кадрового офицера. Со временем стареющий пьющий юрист стал никому не нужен, к тому же в переломные девяностые годы старые пар-

тийные связи деда совсем перестали работать. Желание приложить голову в этом возрасте хоть на какое-то тёплое плечо становится особо сильным и особо печальным. Подписавшись под банкротством своей уходящей жизни, дядя Серёжа решил сойтись со своей полусемьёй. Время стерло остроту проглощенных обид, сильно корябать уже не хотелось от пришедшей мудрости и недостатка сил. И тётя Вера расписалась с отцом своей уже двадцатилетней дочери.

Однако, мать дяди Серёжи не сдавалась и продолжала бороться за личное счастье уже поседевшего сына всеми доступными способами. Вначале, чтобы не пускать сына к тёте Вере и Танюшке, Римма Александровна устраивала сердечные "приступы" с вызовом кареты скорой помощи. Затем, чтобы максимально парализовать движение в уже законную семью, она стала сама покупать ему водку, пользуясь слабостью сына. Только на этот раз время работало против неё. И через несколько лет уже непридуманные немощи заставили её согласиться на переезд ненавистной невестки в её столь любимую квартиру. Так крестьянка переселилась в одну из элитных "сталинок" в центре города.

Однажды я застала родителей у Танюшки в квартире. Дядя Серёжа обрадовался мне и начал говорить о кадровых перестановках в городских структурах. Многих первых лиц в городе он знал лично.

Вдруг из кухни раздался громкий голос тёти Веры:

– Не слушай его, дурака. Сам даже сторожем не может у строиться.

Дядя Серёжа замолчал и подошёл к окну. На подоконник сел голубь. Он опять повернулся ко мне:

– Знаешь, я не люблю голубей. Они большие и тупые. Я больше люблю воробушков. Они намного смышлённее, к тому же им и надо-то самую малость. Тут клюнул, там клюнул. Пташки Божии.

Из кухни опять раздался уже раздражённый голос тёти Веры:

– Сам не знает, что мелет. Замолчи!

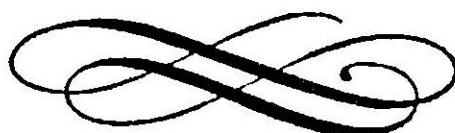
Дядя Серёжа сел на самый кончик кресла и затих, напряжённо глядя внутрь себя. Я быстренько засобиралась домой.

В последний раз я встретила дядю Серёжу в городе рано утром, где-то за год до его смерти. Он торопливо шагал по мокро-

му снегу в громоздких и неказистых, но ещё крепких ботинках и в чистом стареньком пальто по моде годов семидесятых. В руках был полупрозрачный пакет, где лежали большой кусок хлеба и банка с килькой. Увидев меня, он радостно разулыбался. Голенько розовым блеснули беззубые дёсны.

— Я сейчас на работу спешу, устроился на проходную завода. Вот, заступаю на сутки, запасся едой. Но, самое главное, меня теперь приглашают в суд. Присяжным. Ты же знаешь, как это для меня важно. Просто новая жизнь. Но, извини, тороплюсь.

И он поспешил дальше, легко перепрыгивая через мокреть мартовской снежной каши. Худенький, в коричневом пальто и чёрных кремпеленовых брюках. Совсем как воробушек...

Клёпа

В кафе за пустым столиком сидела забавная молодая женщина. Маленькая и худенькая, с курносым носиком и всклокоченными коротко стрижеными волосами. Краску для волос она использовала самую дешёвую, поэтому они были похожи на взлохмаченную мочалу и, к тому же, удивительного, почти оранжевого, оттенка: такой цвет бывает только у рыжих клоунов в цирке. Позже я узнала, что именно из-за этого цвета волос завсегдатаи заведения звали её Клёпа.

Она сидела тихо, наблюдая за происходящим в зале. Только иногда лицо живо, как у мима, передавало её эмоции. Клёпа смотрела за каждым кусочком еды, которые отправляли в рот два ранних посетителя, и непроизвольно слатывала слюну.

Я не выдержала и попросила официантку её накормить. Девушка удивилась, но выполнила мою просьбу. А потом, видимо в благодарность, рассказала мне о Клёпе.

Это была самая обычная история деревенской девушки в городе, без прописки и родственников. А ещё без возможности получить образование. Она снимала углы у спившихся людей или полусумасшедших старух. Иногда подрабатывала на низкооплачиваемой работе, часто посудомойкой в этом же кафе, а по вечерам сидела тут же за столиком и ждала приглашения. Иногда только за еду...

Обслуживающий персонал в кафе её по-своему полюбил за безотказность в помощи и особый такт. Она никогда не напивалась и не баловалась наркотиками. Просто тихо выживала.

В тот момент у неё была тяжёлая полоса. Она выслала матери в деревню все свои деньги, а тут пришлось сбежать из квартиры, где ей сдавала койку старуха-хозяйка.

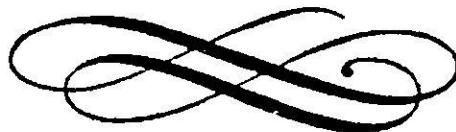
Несколько дней назад среди ночи Клёпа проснулась от запаха сожжённой ткани. На кухне бабка утюгом жгла тряпку. Было дымно. Женщина открыла окно и выдернула шнур от утюга из розетки. Старуха этого не заметила, но всё равно отложила утюг в сторону. Потом взяла нож и стала тыкать им тлевшую ветошь. Клёпа собрала свои вещи и убежала. Остаток ночи она провела в

подъезде, а потом пришла в кафе прямо к открытию.

Подработки для неё пока не было, клиенты тоже не приглядывались к ней, но выручили официантки. Они потихоньку от администратора запирали Клёпу на ночь в подсобке. А перед открытием кафе она приводила себя в порядок в туалете, и даже мыла там голову...

Посетители расплатились и вышли. Официантка подсела к Клёпе и о чём-то с ней разговаривала. Та смотрела на неё грустно-понимающе и поглаживала по руке.

Девчата...

Чабан

Рассказ погибшего

В начале восьмидесятых случайно на вокзале встретил я своего бывшего одноклассника. Обнялись мы с ним крепко, обрадовались. Да и как не обрадоваться, если не виделись, считай, лет пятнадцать. Стали выяснять, что у кого и как.

Друг мой ещё в школе любил математику, так что стал недавно даже кандидатом математических наук. А на вокзале он ждал поезд, чтобы ехать на похороны деда.

– Дед у меня был примечательный. Умер враз, как будто дождался моей защиты. А я ведь думал с ним одну теорему обсудить...

– Он у тебя профессор?

– Зачем? Чабан.

– ?!

Друг мой тогда сильно рассмеялся. Вид у меня был, судя по всему, презабавный. Я аж рот раскрыл от удивления. Ну, да ничего. Просмеялся он и говорит:

– Он ещё при моём студенчестве нашёл в моих книгах учебник по математике и забрал его с собой в горы. С тех пор и начал нас удивлять. Стадо пасётся, а он стоит, смотрит куда-то вдаль. Долго думает, а потом начинает посохом по пыли формулы писать.

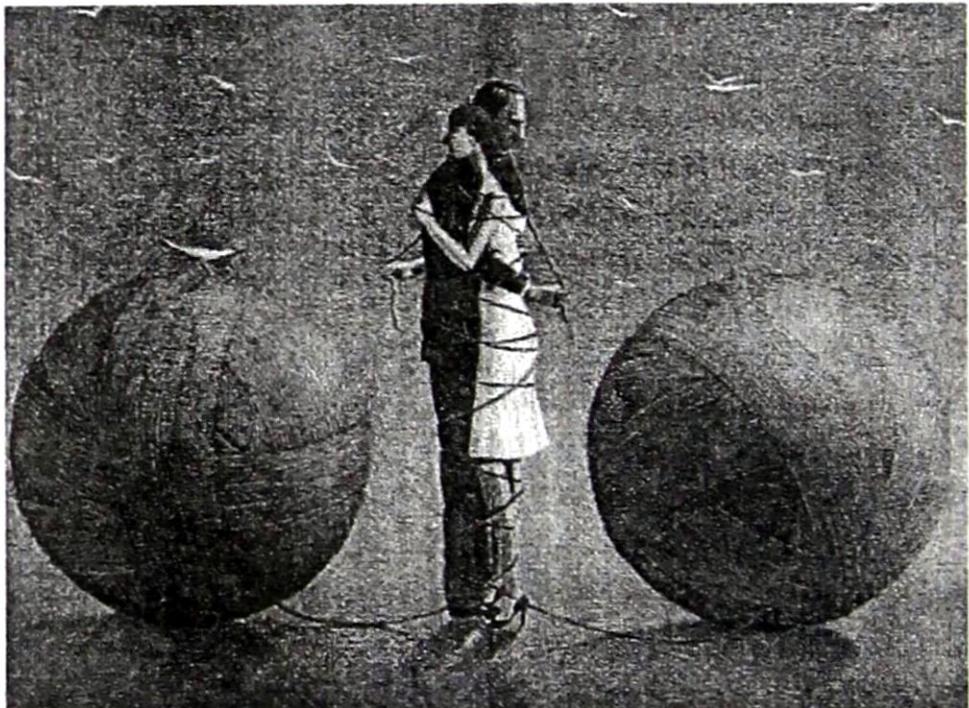
Тут мой друг помолчал немного: видно, тяжело ему вспоминать было. А потом усмехнулся и продолжил:

– Я уже институт заканчивал, а тут с одним заданием никак не справлюсь. Что делать? Я к деду приехал, показываю ему и говорю: "Дед, помоги решить задачу, а то горю синим пламенем!". Он мне подзатыльник, конечно, дал, а потом посохом прямо на дороге стал писать. Написал и спрашивает: "Всё понял?" Я головой кивнул, а он, раз, и стёр ногой. Я ему: "Деда, стой, я не переписал". А он мне: "Кто из нас чабан? Иди, учись". Я и выучился. Даже защитился.

Мы ещё немного помолчали.

– Знаешь, он у меня так перед глазами и стоит: горы, стадо, и он над всем этим вдаль глядит. И что он там видел?

Скажи правду

Фотиния

Бегая между коровником и кухней, падая между вёдрами и тарелками с едой для двухлетнего ребёнка, она всё равно улыбалась летнему, по-утреннему пока ещё нежаркому солнцу. А радоваться было чему. У неё теперь есть ребёнок. И пусть позади оставался разрушенный десятилетний брак с любимым, но таким слабым человеком.

Она вспоминала, как вся деревня клеймила её бесплодной. И надо же ей было в тот роковой день попросить соседку погадать на карты. Вышло, что у мужа была какая-то дама «червей». В даму сердца совершенно не верилось. Поэтому уже дома сказала мужу в шутку: «Знаю я про твою блондинку». А следом ответила: «Раз знаешь, тогда я ухожу от тебя, пустышки...»

Тогда и не верилось, что после него, единственного, будет хоть что-то хорошее. К ней пытались подъехать и даже посвататься местные ребята и мужички, но ей было противно от их испитости и агрессивно-гордой никчёмности.

Симпатичный городской разгильдяй приезжал в село к своим друзьям за той же выпивкой или дурью. Когда он вдруг обратил на неё внимание, Светлане бросилась в глаза его внутренняя истрёпанность и заброшенность. А ей всегда было жалко больных и слабых.

Всё кончилось быстро. Его маме не нужна была невестка-голодранка. Сына упаковали и увезли назад в город. Слышать же о её беременности они не желали. Даже ни разу не навестили девочку. А дочка-то – папин портрет.

Жизнь опять взяла своё... В пять утра надо было успеть подоить корову, а затем бежать на почту. На почте она стала подрабатывать ещё в школе, когда пьяная маманя неправлялась со своим «совместительством». А деньги были ох как нужны! После таскания тяжеленной сумки по деревенским дорогам уроки как-то совсем не шли в голову. Теперь почта была её основная работа. Она любила её, потому что бабушки всегда доверительно ждали с пенсиею. Светлана работала точно и честно что бы вокруг не творилось.

Манная каша в ковшике остывала на крашеном деревянном столе. Желание упасть на кровать приходилось с силой стягивать с себя, благо организм тридцатилетней женщины пока ещё не сдавался. Только глаз в последнее время покраснел, видимо попало что-то, когда доила свою любимицу Красавку. Сколько же пришлось ей «наломаться», перезанимать денег, прежде чем купить её – кормилицу. Зато сейчас они с дочкой всегда сыты.

Сердце рвалось на части, когда взгляд упал на пустые бутылки. И это пока только второй день запоя. Кто бы мог подумать, что её мать, первая красавица, будет пить со своим младшим сыном. Ужас её медленного вымирания начался после смерти отца. Потеря кормильца сломила её своей безысходностью. У брата же просто не осталось выбора. А доченьку надо было оставлять на них. Хоть бы покормили...

Чаще всего она вспоминала одно майское утро, когда солнце стало пригревать уже по-летнему. Ей надо было разнести почту, да и пенсию ждали бабульки в соседней деревеньке. Сумка тянула книзу, а травка на пригорке уже была прогрета. Она прилегла и стала прислушиваться к той новой жизни, которая уже жила внутри неё. Она, ещё совсем капельная, нежно трепыхалась крыльями бабочки. Светлана не заметила как заснула. Это был тихий блаженный сон самого счастливого дня в её жизни. Дома так не спалось никогда....

В обеденный перерыв надо было успеть добежать до дома, чтобы сделать творог. Но молока уже не было, им "закусили". Хорошо, что каша досталась по адресу. Светлана простирала детское бельё, переменила на Настюше штанишки, заправила пустой супчик из картошки взбитым яйцом и опять убежала. С почтовой сумкой надо было ещё побегать, а затем разнести моло-

ко дачникам. Потом борьба с сорняками.

Но борьбы не вышло. Во дворе её встретила плачущая голодная Настюша. Супом тоже «закусили». В доме пьяный брат гонял не менее пьяную маманю. Впрочем, это было ожидаемо: пошли третью сутки запоя. Выбора не оставалось. На выходные Светлана решила в очередной раз сбежать в город к старшей сестре – Лидочке. Конечно, и её мужик тоже мог пить, но тот хотя бы «тихий», да и Настю любил безумно. Оно и понятно – бездетные. Сестра эту боль несла в храм, а её муж – в кабак.

Настюша смеялась и смешно коверкала слово "крестная". Лидия радовалась возможности не только приютить сестру, но и причастить свою крестницу в воскресный день. Да и муж был в рейсе.

Светлана была рада и запаху ладана, и огонькам лампад, и потрескиванию свечей, и пению, и, самое главное, покоя, который был только в здесь, в храме. Пожилой священник уже несколько раз внимательно смотрел на неё, а потом что-то спросил у Лиды. Сестра удивила её просьбой батюшки подойти к нему на исповедь, а затем разрешением на причастие. Было светло и радостно, только беспокоил глаз.

...Анализы подтвердили рак. Даже какой-то редкий, сидит внутри глаза...

После операции Светлане стало легче. Правда, искусственный глаз пока ещё мешал с непривычки, но был почти как настоящий. К тому же теперь ей полагалась большая пенсия, в два раза больше её прежней зарплаты почтальона. Начальство на почте было к ней ласково, даже выдали денежное пособие. Только зачем-то попросили уволиться задним числом. А какая ей теперь разница, пенсия-то вон какая.

Всё шло, как всегда. Зимой, когда не было огорода, появилась возможность пройти «химию». У сестры в городе Светлана не

осталась, поехала встречать новый год с маманей. От выпитого с непривычки разморило, она прилегла на диване... А с утра с удивлением смотрела на дружка своего брата, который спал рядом с ней, широко раскрыв рот и запрокинув назад нечёсаную голову.

Лида выла на коленях, прося её не делать аборт. Но куда ей, инвалиду, с трехлетней Настюшкой на руках, такое вытянуть...

...Рецидив – такое странное слово, похоже на выстрел. И тоже убивает...

Светлана исходила внутренним криком. Умирать так рано – это не укладывалось в голове, внутри неё всё бунтовало. Даже близость дочери не успокаивала. Она иногда даже забывала про неё: пока не захнычет, не кормила. Хорошо, что сестра стала часто забирать её к себе.

Случайная встреча в областной больнице стала её внутренним противостоянием уходящей по секундам жизни. К тому же, и он был инвалид.

Увечный с увечным.

У него не разгибалось колено после аварии. Пил он и до аварии, и после. Светлана иногда мечтала о жизни в городе, а он, городской, вдруг взял её к себе. Только пить она не могла. Совсем не могла. Даже когда становилось больно. Поэтому, когда бунт перешел в принятие неизбежного, Светлана вернулась домой...

Светлана уже не выходила из комнаты, даже ничего не просила, тихонько плакала, лежа на кровати. Через давно немытое окно ей была видна только старая яблоня. Со временем даже оттиски капель дождя на пыльном стекле стали ей дороги. Время от времени, когда рак начинал её грызть, ей казалось, что стекло разбивалось и проходило сквозь неё осколками боли.

За стеной опять дрались маманя с братом. Но злости внутри у нее уже не было. Светлану немного радовало то, что она смогла накопить доченьке пенсию на книжке, много — целых шестьдесят тысяч. Настюша уже месяц жила у сестры. Это успокаивало, потому что сестра обещала взять девочку к себе насовсем. На днях Лида привозила священника. Когда батюшка причащал, он странно назвал её: Фотиния.

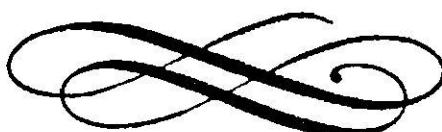
Маманя иногда предлагала покушать. Но умирающей уже ничего не было нужно. Она тихонько проплакивала в своей комнатах то, что было прожито и не прожито. И ещё вспоминала тот самый счастливый день своей жизни...

Настюша долго не спрашивала крестную о смерти мамы; знала, что маме надо долго лечиться в больнице. Через несколько месяцев Лида повела девочку ко причастию. Это был в день рождения Светланы. С просфорой в руках девочка повернулась к ней и спросила, прямо глядя в глаза: "Мама у Боженьки на небе?"

— "Да"...

А ещё в их семье произошло чудо: Лидин муж больше не пьёт.

Совсем.

Покой

Ольга закуталась в старую шаль матери. Только в рождественские каникулы ей удалось остаться одной. Осень и зима выдались очень тяжёлыми. Мать слегла в сентябре: обессилела вместе с осеним листопадом, и ушла, как упала, с последними листьями в заиндевевшую землю в ноябре. Боль утраты ещё не могла подлечиться временем, слишком рано. Сороковой день был только вчера.

Она сидела в пустой маминой квартире. После тяжести поминок, когда день провела со старушками, а вечер с роднёй и тарелками, ей очень сложно было заставить себя прочитать в последний раз Псалтирь. Благо, муж забрал сына домой, и суeta отошла совсем. Только еловая веточка, принесённая для неё Костиком, дышала на неё праздником и смолой.

Канун Рождства, а праздник оставался для Ольги где-то далеко-далеко, в тридесятом царстве.

Древние слова молитв проворачивались языком как маленькие камушки, иногда мало понятно бумкали в тишине. Но боль в сердце несколько успокаивалась только в эти минуты, как будто кто-то брал сердце в ладонь и обнимал его. Ольга стояла у маминых икон, и вечность смотрела на неё ликами образов. Там были уже и мать, и отец, и брат. Брат и отец погибли трагически много лет назад. Мать осталась дышать здесь, тихо дожинаясь дня, когда дышать уже больше будет не нужно.

Но почему-то весь этот год Ольга вспоминала только одно происшествие – глупое, из запылённых воспоминаний детства, случившееся незадолго до автокатастрофы. В деревне у бабушки они с братом играли в «Царь горы». Олег залез тогда на кучу хлама и не пускал на неё Ольгу. А она, младшая, пытала и карябалась, но сделать ничего не могла. Расплакавшись и разозлившись, схватила пустую бутылочку из-под шампуня и запустила ею в брата. Та попала ему в лицо и разбила губу. В общем-то, обычная детская ссора... Но чувство вины за когда-то причинённую боль не давала Ольге покоя.

В тишине мысли уходили в сторону, и вновь возвращали прощ-

лое. Надо было перебрать ещё один шкаф, чтобы отложить не-
нужное. Вещи матери Ольга раздала недели две назад, остались
только книги. Она села на пол и открыла дверки шкафа. Взгляд
упал на детские книги – её детские книги.

– Привет, Малыш! – рука сама протянулась к книге "Малышу
и Карлсону", их с братом любимую. – Скоро тебя отвезут в дет-
ский дом. Ты слишком долго был без компании.

Чёрно-белые картинки были похожи на такое же чёрно-белое
кино, старое, как и её – воспоминания, которые, приближаясь, ка-
зались живыми, но дотронуться до них уже было нельзя.

Между страниц показался уголок пожелтевшей тетрадной бу-
маги. Ольга открыла и увидела аккуратные буквы детского по-
черка брата.

"Мама, – ("Запятая пропущена," – автоматически подумала
Ольга), - здравствуй!"

Ты не волнуйся. Горло у меня больше не болит. То мороженое,
которое я купил на сдачу, просто было очень холодное. Цыплята
очень смешные, жёлтые и тёплые. Пищат. Я их случайно залил
водой из поилки. С Олей тоже всё хорошо. В этом году она зелё-
ные яблоки больше не ест. Я тут был царь-горы и её на гору не
пускал. Она так расплакалась сильно. Мне даже жалко её стало, и
стыдно. Она все коленки расцарапала. А бабушка сварила много
варенья, мы его скоро привезём. Олег".

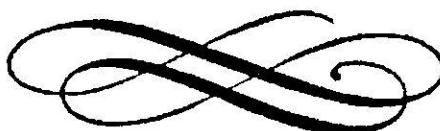
На сердце у неё стало тихо-тихо.

Так и не встав с колен, Ольга вытирала слёзы. Они текли дол-
го. Потом она поднялась и подошла к окну.

"Рукописи не горят", – почему-то подумалось ей.

На окне стояла еловая веточка. Она положила на неё этот те-
традный лист.

– Здравствуй, Покой!

Рождённые для вечности

Ночью ребёнок захныкал. В роддоме молочную смесь обычно давала медсестра, но в коридоре её не было. Я тихонько прошла по коридору. Опять никого. Впереди светилась надпись: «Реанимация». Там определённо кто-то был. Я заглянула, встретилась взглядом с сестрой и стала ей объяснять, что мне нужно. В это время из соседнего бокса к нам зашла врач. Меня удивил серый цвет её лица, а также крайнее напряжение. Не говоря ни слова, она взяла матерчатый мешочек, в котором был стерильный перевязочный материал, вытряхнула содержимое, вырезала ножницами подобие колпачка и также молча вернулась в бокс.

Видя моё удивление, сестра улыбнулась и сказала:

— Лариса Александровна переживает за ребёночка. Родился слишком рано. Такие сильно мёрзнут, потому что у них нарушен теплообмен. Вот она и смастерила сейчас ему из мешочка «шапочку». Она всегда так. Знает, что всё зря, а бьётся до последнего.

Я повернулась всем корпусом в сторону бокса. Там под стеклянным колпаком лежал ребеночек-«инопланетянин» с необыкновенно тоненькими ручками и ножками и большой головой. И маленький, как котёнок. Врач с упорством безысходности продолжала что-то там делать.

— У меня в палате бутылка со святой водой. Брала на всякий случай для своего. Может быть, окрестим маленького?

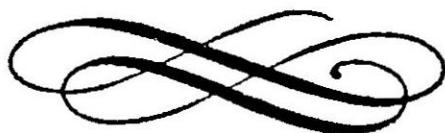
Медсестра ушла в бокс к врачу. Доктор посмотрела на меня и кивнула головой.

Когда я вернулась со святой водой, врач попросила объяснить ей, что нужно будет сделать и произнести, к тому же мне нельзя было входить в бокс.

— Крещается младенец Николай во имя Отца, аминь... И Сына, аминь... И святого Духа, аминь, — услышала я в коридоре.

Потом доктор подошла ко мне: «Это я его в честь Николая Чудотворца. Вы могли бы оставить бутылку со святой водой? Мы давно уже об этом думали...»

Когда я проснулась утром, в отделении работала уже другая смена. На мой вопрос, как чувствует себя ребёнок, мне ничего не ответили. Я подождала, когда в коридоре стало потише, дошла до реанимации и заглянула за дверь. В боксе свет не горел, но было хорошо видно, что стеклянный купол пуст. А на шкафу стояла знакомая бутылка...

Рушник

Пустота в квартире после смерти мужа давила не столько своей тишиной, сколько безжизненностью. Переживания и усталость от пережитых нагрузок так долго агонизирующего любимого человека не давали расслабиться и уснуть. Остались где-то на краю памяти похороны и девять дней.

Её тело ждало сна, но бессонница упрямо водила по прошлому.

Татьяна встала, посмотрела на непривычно пустое кресло мужа и пошла на кухню за своей, как она говорила, "горстью" таблеток. В комнате на столике её ждали псалтирь и чётки.

Неожиданная боль в сердце заставила её привлечь на диван. Своя собственная немощь отогнала тяжёлые думы, заставив её в погрузиться в настороженное ожидание действия лекарств. Через некоторое время тело расслабилось и обмякло.

Переход ко сну оказался быстрым и незаметным. Она вдруг увидела, что подходит по грунтовой дороге к громадным, неохвачиваемым взглядом, чугунным литым воротам. Дорога, по которой она шла, заканчивалась, а точнее, упиралась в необыкновенно маленькую дверь – единственный вход в эту чугунную бесконечность.

"Как на зоне," – подумалось ей. При этом шла она к этой двери с твёрдым убеждением, что сейчас ей будет дано "свидание" с мужем. Дверь приоткрылась, и в небольшую щель Татьяна увидала своего Михаила. Он стоял такой же полнокровный, как до болезни, только какой-то грустный и протягивал ей сильно испачканное, белевшее клочками полотенце: "Постирай, пожалуйста. Я здесь не могу."

Татьяна с удивлением увидела, что рот у мужа испачкан. Скорее, залит нечистотами. И именно этим полотенцем он и вытигрался. Женщина озабоченно посмотрела по сторонам и увидела в нескольких метрах от себя колонку. Под сильной струей она стала быстро отстирывать грязные пятна, переживая про себя: сумеет ли она без мыла с этим справиться. Но всё сошло удивительно хорошо. Полотенце в её руках снежно забелело.

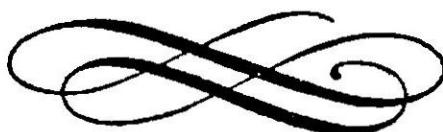
Татьяна бегом вернулась к мужу, ждавшему её за давяще-не-приподъёмной дверью. Она просунула руку с полотенцем в щель приоткрытой чугуинны:

— Прости, но лучше я не отстираю. Здесь нет порошка.

— Не переживай, мне теперь хватит...

Татьяна неожиданно почувствовала, как неудачно подоткнутая под голову подушка неудобно запрокинула голову. Шея затекла и болела, а вот сердце уже не беспокоило. Ярким всплеском встал в памяти сон. Женщина охнула и перекрестилась.

— Как же тебе на мытарствах-то, миленький! — вслух сказала Татьяна и изо всех сил сжала чётки.

СКОЛЬКО БОЛИ... СКОЛЬКО... СКОЛЬКО...

Нас собрали для необычного опроса. В зале демонстрировали документальные короткометражки одной тематики: наркотики и молодёжь. Эти ролики сделали сотрудники отдела по борьбе с наркотиками. Это были ещё достаточно молодые люди, только рано поседевшие. И лица у них были особенно напряжены.

Участникам просмотра надо было высказать в конце своё мнение о возможности подачи этого материала школьникам без корректировки или всё-таки со смягчением "правды жизни". Но случилось несколько иное. Это был не просто просмотр, это было схождение в ад.

Запомнился эпизод оперативной съёмки в доме, где произошло самоубийство девушки-наркоманки. Записка, где она написала, что пыталась покончить с этим, но ей не поверили. А жить дальше ТАК она не может, точнее, не могла. И тело (теперь уже труп) в ванной, рядом отец, держащийся за сердце и медленно сплывающий на диван, вой матери. Всё...

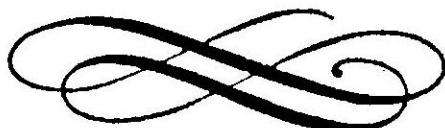
...Почти две тысячи лет назад на кресте висел разбойник. Он сам признал, что получил «за дело». Но услышал странные слова: "Ныне же будешь со мною в раю". Эти слова – истина. Но между обетованием и его исполнением было несколько часов нечеловеческого страдания. После Его смерти природа пришла в смятение, римским солдатам надо было торопиться, потому что смерть на кресте занимала иногда несколько дней. Поэтому для ускорения "процесса" разбойникам, и покаявшемуся, и не покаявшемуся, солдаты перебили голени. Смерть наступила от болевого шока и потери крови...

Голени здесь не случайны. Есть такая штука – "крокодил". Делается из растворителя для краски, йода, соляной кислоты, бензина, и это вкалывают. Да, это делается в притонах, там, где ниже не упадёшь. Но на месте укола – нагноения, раны, гангрена, плоть отгнивает заживо. Процесс идёт снизу вверх, поднимаясь вслед за последующими уколами, тянется всё выше и выше, почерневшее тело отпадает от кости. Процесс необратим. А человек-то жив. Там на дне только боль, много боли. И перебитые голени.

В книге об о. Иоанне Крестьянкине был описан эпизод о спившемся бомже. Он, уже умирая, попросил соседку позвать к себе священника. Тот нашёл его в заброшенном доме на куче хлама. На вопрос, почему он решил, что умрёт, ответил, что к нему пришёл Господь и так сказал.

И вместе со священником можно только повторить: что же надо было пережить человеку, чтобы утешить его пришёл сам Бог...

Просмотренный материал всех просто раздавил. Не удивительно, что люди, сделавшие его, так рано поседели. Они на передовой. И там убивают.

Анна

Голова у неё болела сколько себя помнила. Началось году в тридцатом. Тогда умерли родители, и родные выгнали её, восьмилетнюю, на улицу, сунув в руки козу и икону Николы. С тех пор она очень любила коз. Тогда голову сдавила страшная боль, и она потихоньку отползла в малину, где её мучительно рвало.

Потом Анна до пятнадцати лет скиталась по людям. В деревне тогда был голод и крайняя нужда. Не было не только достаточно тёплой одежды, но даже белья. Ухаживала за скотиной, чужими детьми, спала на лавке, и всё время хотела есть. Никакой ласки, даже жалости. Ту же больную голову не перевяжешь, а то заругают.

В пятнадцать лет её отдали замуж за человека, который был на десять лет старше. Не было не только любви, но даже душевной близости. Правда, теперь Анна была сыта и одета, был свой дом, и это мирило с нелюбовью и мужа, и свекрови.

Свекровь выбрала её в невестки именно за безответность, уж очень она любила властвовать. Анна ждала утешения от ребёночка, но первенец-мальчик умер через две недели после рождения: как она сама говорила, не "сикался". Фельдшер ничем не мог помочь, к тому же началась война, а до областного города двести километров – с маленьким не проедешь.

Свекровь не давала пруды даже когда появились девочки-погодки. Анна ложилась спать поздно, за ночь два-три раза вставала сбивать тесто, в четыре утра ставила в печь хлеб, выгоняла корову и бежала на работу. В обед опять бежала доить корову, и снова на работу, надрывалась на огородах... Но, слава Богу, была сыта даже в военное лихолетье.

Шли годы. Муж возил председателя, поэтому Никола висел в чулане вместе с иконами свекрови. Пришёл день, и свекровь странно смирилась: можно сказать, сломалась изнутри. До последнего варила щи, считала, что пока кормит хозяина в доме, она – главная. А тут со слепу сварила в чугунке тряпку. Слова сына о том, что теперь главная в доме Анна, уложили её в постель на две недели. С постели она встала другой. Теперь подолгу молилась в

чуланчике и возилась с внучками. Хотя после этого случая прожила ещё двадцать лет, потихоньку усыхая и сгибаясь, как сама говорила, поближе к земле.

Где-то за год до смерти свекрови Анна переносила её, ослабшую, на руках по дому, мыла в бане и кормила с ложечки. Та, тихо угасая, пообещала ей, что за её молитвы у деток всё будет хорошо. Отпевать было некому, церкви закрыли в двадцатых, когда Анна была ещё совсем маленькой. Ночью пришли соседки-старушки, принесли с собой завёрнутый в платочек Псалтирь и прочитали до утра: «Упокой, Господи, душу усопшей рабы твоей Ксении...».

Но Анне пришлось досматривать и хоронить тех, кто сорок лет назад выгнали её из родного дома. Было мучительно больно: эти люди опустились и до последнего пили. Правда, у них был сын. Но он много лет пил уже в городе и не приехал даже на похороны родителей. Видно, это было ему ни к чему: дом был отписан колхозу.

У дочерей Анны действительно всё сложилось благополучно: и высшее образование, и кооперативные квартиры. Поэтому когда в февральские морозы долбили могилу для скоропостижно скончавшегося мужа, она уже точно знала, что уезжает в город. К тому же голова болела почти постоянно, а там, в городе – больницы.

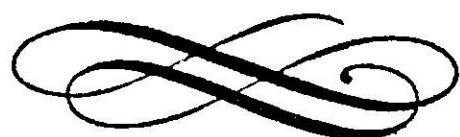
Квартирку ей дали в обкомовском доме, поэтому Никола не висел в углу, а покоялся на полке в шкафу, завёрнутый в новое полотенце. Но почти каждый день, а тем более когда у детей были беды, или внуки сдавали экзамены, она вешала его на гвоздик и, как покойная свекровь, становилась на колени...

Перемены в начале девяностых окончательно оставили Николу на гвоздике, тем более, что от безумия окружающего распада спасала только молитва. Но тут случилось для неё нечто совсем страшное – денежная реформа. Даже Сталин отнял у народа при прежней реформе только один ноль: всего-то в десять раз уменьшил сбережения. А здесь забрали всё. И, самое главное, забрали её уверенность в оплаченном уходе, если она вдруг сляжет по старости или болезни. Забрали и радость при мысли о том, что дети смогут купить по квартире на её пожизненные сбережения.

Забрал Господь всё лишнее. Только Анна не знала, что потеря имущества приравнивается к мученичеству. Голова заболела у неё по-другому. И через два месяца после этой реформы её не стало.

У внуков в жизни тоже всё сложилось. Трудно, но сложилось. А икона Николы осталась с ними и помогала ещё не раз.

И спустя годы батюшка, освящавший квартиру, сказал, что на иконе... преподобный Сергий Радонежский...

Икра

Есть время разбрасывать камни, и есть время их собирать. Поэтому всегда интересно встретить человека именно тогда, когда он их уже собирает: тягота трудов позади, страх за будущее сменился радостью встречи с этим будущим, и остаётся только мысленно благословить то, что было пройдено.

...Ольга ехала к детям и внукам в Поволжье из Владивостока. Так далеко забросило её вначале девяностых. В той чёрной дыре безвременья тогда исчезала страна, предприятия, люди. Там же пропал и муж, который развёлся с ней и, цинично усмехнувшись, ушёл искать сытого счастья для одного. Тогда ей всё труднее было находить еду для четверых детей. Вначале одинокие пылинки мяса на серых макаронах изображали, что они "по-флотски", а затем совсем нечего стало есть. Совсем нечего. От безысходности и тотальной безработицы в их городишке люди семьями выбрасывались из окон. Выхода не было: кругом была безнадёжность и запредельная нужда.

Ольга оставила детей на мать-пенсионерку и со случайной попутчицей уехала искать счастья на безумно Дальний Восток, где особой золотой рекой текла икра. Рабский труд на переработке этой икры давал стабильный доход. Она высыпала заработанное матери, а сама ютилась по непонятным нормам, пока судьба не дала ей надежного спутника.

По многу лет Ольга не имела возможности видеть детей – так непомерно высока была цена на билет. А её мать всё это время держалась поближе к монастырю, где ей помогали одевать и кормить подраставших детей. Двум материнским сердцем стало легче, когда стали доступнее мобильные телефоны и интернет. Когда же старшие стали на крыло, у Ольги стали накапливаться деньги и на дорогу в родной город. И каждый раз она привозила с собой банку икры.

Выйдя на пенсию, Ольга ещё два-три года проработала на конвейере, а потом просто ушла. Холодный цех, работа по безумному

графику: десять суток – по двенадцать часов в день, десять суток – по двенадцать в ночь, потом десять дней перерыв. Особенно её вымывали ночные смены. И так – более двадцати лет. Сил больше не осталось.

Первые два месяца она радовалась жизни. Не надо было надрываться, мёрзнуть и перебарывать сон. Квартира была прибрана основательно, уют наведён и перепробованы новые рецепты. Даже съездила на две недели со своим на Тайвань.

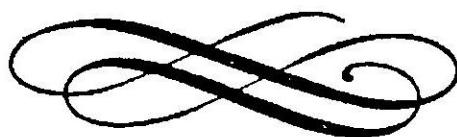
Счастливая и загорелая, с таким ранее несбыточным для неё маникюром, она села королевой на диван. Делать было больше ничего. С фотографий на стенах на неё смотрели уже шестеро внуков. А их так хотелось побаловать. И... она снова нашла себе работу, правда, теперь уже посильную: кастеляншей в частную гостиницу.

Теперь поездки к детям стали почти ежегодными. Правда, поезд её немного укачивал, но потерпеть стоило...

Я сидела и слушала этот рассказ с особой болью своего, тоже материнского сердца.

– А как же Ваша мама? Жива? – решилась не сразу спросить я.

– Да, с ней все хорошо. Теперь она монахиня в том же монастыре. За всех нас молится...

Надежда

Матери было уже сорок, когда дочь появилась на свет. У неё уже был сын от первого и крайне тяжёлого брака. А вот со вторым мужем детей у них не было почти двенадцать лет. Поэтому и имя дочери дали особенное: имя на тот момент уже почти потерянной надежды. Надежда так и осталась единственным утешением и богатством в семье. То есть та надежда, которая НАДЕЖДА.

Первый брак мать не вспоминала никогда. Отец ребёнка бросил её через год после рождения сына. И она, работая санитаркой в районной больнице, пошла учиться на стоматолога. Сказать, что было трудно – ничего не сказать. Ещё девочкой Надежда как-то спросила свою мать, почему она не плачет, когда чистит лук. Та отшутилась, что слёзы кончились.

Слёзы кончились, когда она с сынишкой меняла уже пятую квартиру. К тому же Юрка рос очень сложный и бесшабашным. Трёхлетние муки молодой женщины прервались вдруг, потому что главный врач, первый хирург и первый красавец района, посватался к ней. Просто пришёл и забрал её с сыном к себе.

Почему он женился на ней, так и осталось для неё до конца непонятым. Возможно, Петра Тимофеевича поразило её противостояние жизненным скорбям, а, может быть, это была жалость. Галина Алексеевна ответила беззаветной любовью и великим почтением к человеку, который был старше её на десять лет.

Последующие сорок лет они жили в ногу со всей страной. Вначале работали согласно пятилетним планам партии и правительства, затем, в девяностые, выживали вместе с больными, которых иной раз лечили только словом. Семья практически нищенствовала и выживала только за счёт каторжного труда на земле. Петр Тимофеевич prodержался тогда в больнице дольше всех, хотя уже разменял седьмой десяток. Он ушёл, когда медсестра случайно выкинула последний скальпель.

...В тот день семья собралась на день рождения Галины Алексеевны. Надежда, тоже уже врач, приехала из города, а Юрка – из соседней деревни, где бездумно кувыркался неизвестно с кем, как, впрочем, кувыркался он всю свою сознательную жизнь. Ещё не успели сесть за стол, как брат упал замертво. Три врача бились не

просто на смерть, а бились со смертью близкого человека. Скорая констатировала смерть от сердечного приступа...

Пережитое горе, но в большей степени застывшая в немой судороге от потери сына мать, заставили Надежду задать тот особенный вопрос: почему так получилось? И как помочь матери выйти из этого состояния? Эти вопросы привели в храм. А там открылось новое измерение, где на каждый вопрос ответ шёл из вечности. А ещё пришла молитва.

Боль в истрёпанном сердце, если не проходила совсем, то перетекала в понимание необходимости прошедшего, в принятие всего, что было, есть или будет. Своё одиночество избаловалось милостыней, а ещё необыкновенной заботой о стариках-родителях, этой её особой боли и любви. Надежда отдавала им свои выходные, праздники и отпуска.

Хрупкость видимого постоянства становилось всё очевиднее с каждой минутой, которые подводили их к уже приближающейся черте, за которой ждёт вечность. И всё-таки принятие испытаний даётся всегда трудно, как ни готовься. Диагноз "рак" прозвучал вначале для отца, а затем и для них с матерью.

Семья снова была вместе. Они жили теперь в городе у Надежды, где легче было получить лечение. Отец был уже не операбелен, слабел на глазах. Скоро метастазы поразили мозг, и он перестал узнавать своих.

Пока дочь была на работе, Галина Алексеевна сидела напротив Петра Тимофеевича и тихо плакала. Свою беспомощность она переживала спокойнее, чем боль от пролежней у мужа. И ещё сильно давило ощущение одиночества дочери в будущем. Это было всеобщее мучение болью друг о друге.

Всё держалось верой Надежды. Она приглашала священника домой каждый месяц. Отец умер на Крещение, через день после причастия.

Надежда взяла кредит. Через две недели после похорон мать была уже на операции. Врачи уверили, что шансы неплохие.

Теперь Надежде надо обеспечить матери курс лучевой терапии. Но самая главная ее боль – тоже успеть прооперироваться и не умереть прежде матери. А пока она не выходит мать, ей самой не лечь в больницу.

Надежда не умирает...

И последние будут первыми...

Эта история произошла лет десять назад в одном из саратовских храмов...

Был рабочий день, поэтому народа в храме было мало. Малое стадо стояло ближе к алтарю. Все были предельно сосредоточены – Великий пост.

Я стояла позади всех на своём "любимом" месте, поэтому видела весь храм сразу, и через некоторое время заметила нечто необычное. В самой середине прихожан вместе со всеми кланялась нечёсаная всклокоченная голова. После нескольких секунд разглядывания мне стало понятно, что это был "бомж". Ещё через несколько секунд напряжённого рассматривания я, к величайшему своему изумлению, узнала постоянную просиявшую милостыню давно уже совершенно опустившуюся женщину. По заведённому обычаю и по постоянным просьбам настоятеля вся гвардия "Христа ради" побирающихся была достаточно чистоплотно одета, хотя и вразнобой. Эта же женщина всегда стояла в мужской одежде с пыжиковой шапкой на голове. Если взглянуть мельком, даже и не подумаешь, что это не мужик.

Она молилась вместе со всеми, по привычке сняв "пышку" с головы. Минут через пятнадцать её заметил сторож. Такие товарищи по несчастью часто заходили в храм погреться с мороза и хлебнуть водички. Но по уже сложившейся традиции всегда не дальше скамейки у задней стены храма. Даже пьяненькие не засыпали. Поэтому сторож не сразу приметил такое нарушение ритуала. Он потихоньку пробрался в середину молящихся и попробовал потянуть её за рукав, одновременно показывая на непокрытую голову. Но женщина конвульсивно отдернула руку и, было видно, старалась всячески оставаться с прихожанами.

Сторож настаивал.

Тогда она вырвалась и побежала, но не к выходу, а к аналою, у которого терпеливо стоял отец Игорь. Все, кто готовился к исповеди, уже побывали у него. Но он не торопился, потому что всегда был готов принять "запоздавших".

Женщина бросилась к нему и с надрывом стала просить помо-

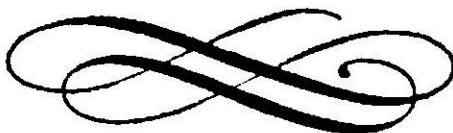
щи, чтобы ей разрешили остаться в храме. Батюшка взмахом руки отпустил сторожа. А женщина говорила и говорила, выплёскивая из себя боль. И плакала, плакала...

Это продолжалось некоторое время, а потом... отец Игорь накрыл её епитрахилью... Она даже не заметила этого, продолжая плакать. Батюшка позвал жестом пожилую уборщицу тётю Валю и что-то сказал ей. Я расслышала только слово "покормить". И тётя Валя женщину увела. А та, бедная, так и прокрутила всё это время в руках свою удивительную шапку.

Я чувствовала, что на моих глазах происходит что-то столь важное, что я даже не в силах была это осмыслить. Поэтому ждала, что вскоре увижу эту женщину, и что-нибудь узнаю. Но ни в следующее воскресенье, ни в какие другие дни она так и не появилась. Совсем...

Прошло больше года. Я случайно разговорилась со свечницей в лавочке этого же храма и узнала конец истории. В тот день тётя Валя забрала эту женщину к себе переночевать, а также отмыть и прокормить. Та рассказала ей, что зашла в храм помолиться за свою подругу, такую же несчастную. Подруга её сломала ногу и необыкновенно мучилась. А медицинской помощи таким не оказывают. Поэтому помочи осталось просить только у Него. И она просила, вот уже третий день подряд выстаивая службы, пока не выгонял сторож.

В ту ночь она умерла....

Долж

Выходя из храма после службы, я сосредоточенно искала по карманам мелочь для изрядно замёрзшей братии Христа ради побирающихся. Они дисциплинированно стояли в воротах и ждали освободившихся после службы людей, протягивая красные от мороза ладони. Скрюченные застывшие пальцы неловко брали мелочь, часто роняя её на асфальт.

Эти люди из года в год приходили к храму просить милостыню. С учётом суровой зимней погоды, жары летом и количества потребляемого спиртного суррогата, и тягот жизни они неизбежно потихоньку вымирали.

Самый долгий на моей памяти случай такого выживания за гранью – лет восемь. Прихожане к несчастным по-своему привыкали, даже спрашивали иногда у "коллег" о пропавших товарищах.

Тут же на выходе, когда набиралась мелочь по карманам, я столкнулась со своей знакомой. Мы перекинулись с ней несколькими фразами о детях и внуках. Увлекшись разговором, мы вышли за ворота, как вдруг она спохватилась.

– Постой минуту, я Людке денег должна, – и она подошла к сторожиле-попрошайке, всегда пьяненькой и не очень опрятно одетой.

Моя знакомая сунула ей в руку деньги, поблагодарила, справилась о здоровье, похлопала её по руке и вернулась ко мне.

Я стояла в лёгком онемении. Видя моё изумление, она рассмеялась и сказала:

– Она меня часто выручает, особенно когда до пенсии остаётся несколько дней. Иногда нет денег на хлеб или на маршрутку. К тому же иногда резко прижимает сердце после долгой службы. И если сильно давит, приходится неожиданно тратиться на транспорт. Ногами просто не дойду, задохнусь. Вот и прошлый раз прихватило, а денег нет. Слава Богу, Люда опять выручила. А я её, если деньги есть, никогда не забываю...

Просфора

Был праздничный день, поэтому воскресная служба шла дольше обычного. Прихожане расходились не торопясь, степенно прикладывались ко кресту, брали просфору, тоненькими ручейками растекались к другим иконам, и, журча полушёпотом, выходили группами или по одному.

Тихую размеренность иногда нарушали, как камни в русле речушки, зашедшие только в честь праздника люди. Вокруг них создавались временные завихрения: в лавке, где свечницы объясняли им что-то по запискам, возле икон, особенно возле Николы и Всецарицы, и, уже реже, у панихидного столика. Через несколько секунд водовороты распадались, чтобы возникнуть в новом месте.

В этой тихой живой пульсации мне легко и спокойно дышалось. У креста людей осталось немного – человека три-четыре. Я потянулась за просфорой, и рука знакомо скользнула в сумку, где для этого в кармашке специально лежал платочек. Пока я завёртывала просфорку, сзади послышался громкий женский голос. Через минуту женщину уже слышал весь храм. Оказалось, что ей не досталось просфорки. Она сначала упрашивала найти ей хотя бы одну, а потом начала требовать, потому что было «очень нужно».

Батюшка тихо уговаривал её, объяснял про большой наплыв людей в праздник... Женщина вдруг резко развернулась и, стуча каблуками, вышла из храма. В притворе мы с ней столкнулись. От возмущения она раскраснелась, пот мелкими капельками выступил на губе и лбу, даже тушь растеклась. Ещё несколько секунд – и она села в остановившуюся недалеко от храма маршрутку.

Этот случай скорее всего забылся бы, если бы в следующее воскресенье рука не потянулась за просфорой и знакомо скользнула в сумку, где... уже лежала просфора. А ведь та просфора была очень нужна – не мне... Я смотрела на зачерствевший комочек и чувствовала только одно: свою немягкость.

Скажи правду

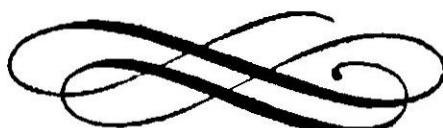
Я столкнулась со своим знакомым в воротах храма. На паперти безуспешно попрошайничал опустившийся мужчина средних лет. От похмелья его руки так сильно тряслись, что он даже и не пытался перекреститься, только просил дать ему на хлеб.

Выходившие из храма женщины старательно обходили его стороной. А вот мой "брат" во Христе не только остановился, но и неожиданно сказал:

- Дам я тебе денег, но скажи правду, что на водку.
- На водку, – просипел бомж и после полученной купюры как можно быстрее пошёл в сторону ларька.

Я закипела от возмущения и припустила на "спонсора" как следует:

- Ты бы лучше в кружку в храме бросил. Нашёл на что подать – на вышивку!
- Послушай меня! Ты ведь не знаешь, что такое похмелье, причём, похмелье на "дне". А я знаю. Потому и подаю. И ты давай... Потому что не знаешь.

Барьер

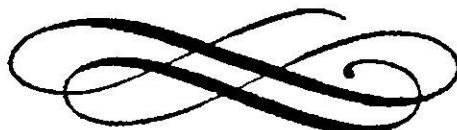
Гололёд, казалось, только подчёркивал пустоту и безлюдье воскресного утра. Напряжение в разъезжавшихся ногах и серость псевдорассвета, засевшего где-то за тучами, не давали возможности смотреть по сторонам. И появление маленькой замызганной фигуры у меня под ногами скорее удивило, чем напугало.

Я попробовала увернуться от столкновения. Последовавший плевок и ругательства как будто захлопнули меня изнутри и заставили идти с особой отстранённостью. Я только ускорила шаг. Бомж продолжал плевать и ругаться в спину. Проулок был довольно длинным, и ближе к концу я перестала различать слова. Не оборачиваясь, я почти дошла до угла дома, как вдруг услышала смех. Это был страшный смех – с подывиваниями и рыком, хриплый, резко переходящий в лай и снова срывающийся в рёв. Тщедушность фигурки совершенно не соотносилась с силой этих звуков.

Разрывание лёгких взвизгами резко оборвалось, как только я свернула за угол, так ни разу не обернувшись, внешне ничем не выказав реакции на этот страшный вызов.

Трудно назвать это дуэлью. Скорее, это был барьер – черта для человека "за чертой", которому было отказано в праве быть замеченным. В праве быть.

Господи Иисусе Христе, сыне Божий, помилуй нас, грешных!

Милостыня

Паломничать на микроавтобусе всегда легче, чем на большом: меньше людей, меньше суеты, все быстрее притираются друг к другу.

Но в этой поездке было что-то особенное. Организатор поездки тепло общалась с одной из женщин, Мариной, и часто перенаправляла к ней вопросы ехавших в первый раз.

Благожелательность Марины была не только внешней. Она удивительно спокойно поглощала те "острые углы", с которыми каждый из присутствовавших ввалился в эту машину. За двое суток невозможно "обкататься" тем бедам и страстям, которые везли паломники за облегчением к Божией Матери, к её чудотворной иконе. Но Марина словно обволакивала настроение человека своим особым, выстраданным, терпением.

Иногда кто-то делал или говорил что-то достаточно тяжёлое. Тогда по её моложавому лицу пробегала волна боли, покрывавшей его сеточкой частых морщинок и резко старившей её лет на двадцать. Потом боль скрывалась, и глаза опять улыбались.

Часа через три после начала поездки Марина раскрыла очень большую сумку и начала доставать оттуда контейнеры с едой. Гора всё росла. Пюре, овощная подливка, выпечка, несколько термосов с чаем – это всё было для нас. Она подкладывала и подкладывала, объясняла постные монастырские рецепты и радовалась, когда просили добавки. Поздний завтрак стал скорее похож на очень приличный обед.

К часу дня мы добрались до источника. Женский коллектив, сплочённый акафистом Николаю Чудотворцу, завтраком и разговорами, деловито занялся православными паломническими обязанностями: записками, бутылками с водой и погружением.

Последнее добавило аппетита, сплочённости и ознона. Благо, мороз в Рождественский пост был небольшой. Марина ждала всех в автобусе с горячим чаем и незабываемой едой по уже известным монастырским рецептам. Всеобщая благодарность была необыкновенной.

Монастырь встретил нас покоем, порядком, трапезной и ве-

черним богослужением. Он передал всем свою особую степенность: паломники растворились в храме среди молящихся и исповедующихся. Утром почти все пошли ко причастию.

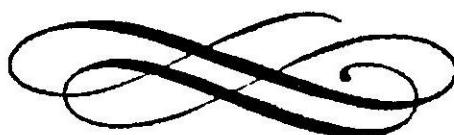
После литургии и трапезной – дорога домой. Внутренняя напряжённость ушла, все сроднились, насколько было возможно в этом маленьком доме на колёсах, где Марина опять всех кормила досыта бутербродами с домашней кабачковой икрой.

Вечером я позвонила своей знакомой, которая и уговорила меня поехать в этот монастырь, чтобы поблагодарить и поделиться впечатлениями. Среди разговора я вдруг вспомнила:

– Ты знаешь, меня очень удивила Марина. Всех так хорошо кормила, как будто особое послушание исполняла.

– Прости, я думала, что рассказала тебе. В определённом смысле это и есть послушание. Точнее, помин. Несколько лет назад у Мариной трагически погиб сын. В этих поездках в монастырь к Матери Божией она свою боль хоть немного утишает, да и сына вымаливает этой особой милостиной.

Помяни раба Божия Алексия...

Весточка

Только под утро Валентине удалось задремать. Всю ночь материнское сердце рвалось на части, боль за сына мучительно выходила слезами и молитвой. Уже полгода он не мог найти работу, внук почти всё время прибаливал, а невестка плевала всем в лицо ненавистью и срывалась в запой.

Иногда Валентина забирала внука к себе, чтобы Богданчик отдохнул от круговорота безумия и безнадёжности, да и окреп на хорошем питании. Но ненадолго: возраст и болезнь не оставляли ей самой много сил.

Сон окутал её незаметно. Вначале монотонное подмигивание огонька в лампадке из-за небольшого сквозняка напомнило ей мигание семафора на путях, а потом Валентине показалось, словно она и вправду поехала куда-то, вышла в незнакомом городе и оказалась в пустом парке одна. Вдруг к ней подошла маленькая девочка в пышном розовом платьице – нарядном, как на праздник.

– Деточка, как ты здесь оказалась одна? Где твой дом? Я отведу тебя туда.

Девочка молча взяла её за руку и повела вдоль аллеи. Не спеша они подошли к небольшому строению, похожему на часовню, и вошли внутрь. Посередине тускло освещённого помещения стоял маленький детский гробик, обитый белым шёлком и украшенный цветами.

– Миленькая, куда ты меня привела? И зачем здесь этот гробик? – с удивлением спросила девочку Валентина.

– Это мой новый дом, а в гробик меня хотят положить твои, – ответила та.

– Кто это – «мои»?

– Ты их хорошо знаешь, – девочка грустно посмотрела ей в глаза.

От ужаса сжалось сердце, и Валентина проснулась. Солнце уже ярко светило. Снизу, из магазина под окном, слышно было, как принимают товар. Значит, было девять часов. Рука потянулась за мобильником и валидолом.

– Сынок, у вас всё в порядке?

– Да, мама.

– Где ты, Борис? В трубке какие-то странные звуки, – недоверчиво спросила Валентина. Сказывалось ещё не прошедшее тяжёлое впечатление от сна

– Я с Настей в больнице.

Сердце женщины сжалось ещё сильнее.

– Что с ней?

– Всё хорошо. Она сидит в очереди на чистку. Сейчас вызовут. Валентине показалось, что воздуха в комнате совсем не осталось.

– Вы что делаете? Вы доченьку сейчас убьёте! Забирай жену и быстро домой, нам надо поговорить.

Молчание превратило несколько секунд в жестокую пытку ожидания.

– Мама, нам сейчас очень трудно, чтобы брать на себя такую обузу, – тусклым голосом отозвался Борис.

– В день, когда ты родился, твоего отца насмерть сбила машина, и я одна поднимала тебя. А нас, взрослых, сейчас трое. Господь всё управит. Будет роток – будет и кусок.

С той ночи бессонница уже воспринималась как благо.

Через два года невестка опять стала пить. Перед работой Борис привозил детей и большие сумки с продуктами, и Валентина только усилием воли заставляла себя стоять на больных ногах у плиты.

Но боль отступала каждый раз, когда Сонечка начинала ладошкой поглаживать её колени, услышав её тихий стон и повторяя движения бабушкиных рук, гладивших больное место.

Ладошки

Аля пришла навестить свою подругу в больнице, где та лежала на сохранении. Институт они закончили только год назад, обе быстро выскочили замуж, только дружить семьями не получалось. Аля успешно строила свою карьеру, а Оля не очень успешно, как она сама говорила, "вылёживала" свою беременность. А вот созывались они каждый день.

— Пузан, я ненадолго. Витька ждёт в машине, — Аля зашуршила пакетом.

Потом, как споткнувшись о что-то, дёрнулась и посмотрела Ольге в глаза:

— Слушай, я хочу у тебя спросить совета. Я тут залетела не вовремя, и не знаю, оставлять ли мне ребёнка? Витька ничего ещё и не знает.

Ольга помолчала. Ответ на этот вопрос сидел у неё в животе.

— Я бы оставила, — тихо ответила та подруге.

— Ладно, я подумаю. Пока, — Аля чмокнула Ольгу в лоб, махнула рукой и убежала.

Через неделю Оля родила девочку. Аля поздравила её СМСкой, и пропала. Оля иногда набирала её номер, но та не отвечала. Навалившиеся заботы с новорожденным и плохое самочувствие не оставляли ей времени, чтобы озабочиться этим всерьёз.

Через два месяца Аля позвонила — сразу в дверь. Она приехал днём, когда Ольгин муж был на работе. Аля налетела на Ольгу шумно и бесшабашно, только как-то уж слишком шумно и слишком беззаботно, как будто старалась спрятаться за этой радостной жизнью.

Пока ребёнок спал, подруги пили чай на кухне. Когда девочка заплакала, Ольга сразу же пошла к ней, чтобы показать подруге. Она вынула свой бесценный свёрток из койки, и повернулась к Але. Та стояла в дверном проёме бледная и с расширившимися зрачками. Потом стала медленно оседать на пол. Ольга положила ребёнка обратно и кинулась к подруге, подняла её и почти отнесла на себе до дивана.

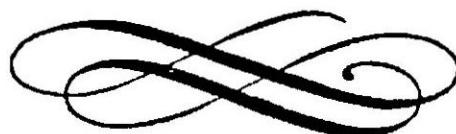
И тут Аля завыла.

— Я никогда, ты слышишь, никогда такого больше не сотворю! Я ведь аборт тогда сделала, а у меня двойня была. Мне в ту же ночь мои детишки и приснились. Мальчик и девочка. Бегут ко мне, ладошками машут. И так каждую ночь.

Ольга вышла на кухню за водой и валерьянкой. Аля выпила и затихла. Слёзы тихо лились по щекам. Оля сидела рядом и гладила её по голове. Аля опустила голову и продолжила:

— Я месяц крепилась. А потом пошла к психиатру, потому что уже почти совсем перестала спать. Боялась даже просто закрыть глаза. Месяц меня лечили. Сейчас хотя бы сплю, пусть с таблетками, но без снов.

Они обнялись. Ребёнок опять захныкал. Ольга села кормить девочку. Малышка плотно уперлась носиком в грудь и забавно сопела. Иногда от хорошего аппетита начинала урчать как медвежонок, прижимая к груди свою маленькую ладошку...

Разбитная

Оказавшись в купе первой, я напряжённо ожидала попутчиков. Каждый раз такие встречи как нежданный сюрприз: не знаешь, радоваться будешь или пристанывать. В тот раз выпало последнее.

Дверь купе резко открылась и в неё ввалилась крашеная блондинка с ярким макияжем. Этакая длинноногая разбитная красотка под тридцать, да ещё и подшофе. За ней протиснулся её мужчина с дорожной сумкой и пакетом, в котором многообещающе позвякивали бутылки.

Мою начинающуюся мигрень несколько сгладило появление последнего попутчика, точнее, попутчицы – очень милой дамы за пятьдесят. Она любезно поздоровалась, виртуозно раскидала вещи, никого практически не побеспокоив. И уже через некоторое время составила мне компанию, сдобрив чай прекрасным разговором.

Об этих вагонных разговорах сказано уже немало. Они закономерно переходят в выливание пережитого, каких-то интимностей, иногда совершенно неожиданных признаний. Беседа блуждает в тант постукивания колёс, часто и бессистемно меняются темы.

Так же и мы с моей новой собеседницей с удовольствием ворковали, по-своему обособившись от попутчиков, которые в тихом размеренном темпе поглощали содержимое из звякавшего пакета, иногда смеясь и причмокиваясь в губы.

В какой-то момент разговор наш доблуждал до темы детей. У моей собеседницы детей не оказалось. И не по причине аборт. Просто по молодости она, занимаясь своей блестящей карьерой и любимой наукой, долго и упорно предохранялась, а потом уставший от экспериментов организм сказал ей своё "нет". Так и осталась она горевать со своим одиночеством.

Вдруг по столику хлопнула рука с рюмкой. Наманикюренные пальчики скомкали пачку сигарет.

– И у меня детей нет, – вдруг полуслёпно прохрипела блондинка,
– меня мать в пятнадцать лет утащила насильно на аборт. Я после этого месяца молчала, совсем ничего не понимала: где я, что вокруг происходит. А потом ничего, отошла. И всё вокруг закрутилось.

И она снова опрокинула в себя рюмку, заботливо наполненную попутчиком.

Так получилось

Ко мне на несколько минут заскочила соседка. Наталья попросила приглядеть за своей кошкой, пока она пару дней будет в отъезде.

— Ты куда так надолго? Что-то случилось? — обеспокоилась я.

— В деревне опять дядька запил. Повезу к нему нарколога. Дорого, а что сделаешь. На этот раз из запоя сам выйти не может. Всю жизнь пьёт. А потом так получилось, что он инвалид, — попробовала извинить своего родственника Наталья.

Слова с трудом подбирались. Я немного помолчала, а потом добавила:

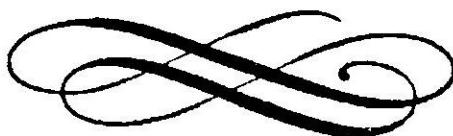
— Конечно, ему, как инвалиду, труднее. Поэтому, может, и пьёт.

Наталья немного помялась с ответом, а потом продолжила:

— Да, как тебе сказать... Он родился таким. Бабка моя по молодости нагрешила, а потом решила втихомолку самой себе чистку сделать: в бане ложкой плод из себя вынуть. Только боли не перенесла. Родила вот этого дядьку. Одна беда — мальчик родился без руки.

Может, и пьёт через это всю жизнь.

Дочистилась...

Болото

Раздался звонок, и Варвара резко двинулась, чтобы открыть дверь. Её седая взлохмаченная голова уныло повисла, когда женщина увидела в проёме входной двери не сына с бутылкой, а дочь с пакетом еды.

— А, это ты... Заходи.

Варвара прошаркала на исхудавших ногах на кухню. Насторожение у неё было плохим, потому что с утра ещё не успела опохмелиться. Лиза выложила на грязный стол батон, бутылку масла, консервы и пачку макарон. Мать уже сидела на расшатанной табуретке и пыталась прикурить дрожащими руками. Елизавета тяжело вздохнула:

— Ты бы поела что ли... Совсем ведь высохла. Сколько уже пьёшь, недели две?

Варвара закашлялась от дыма дешёвых сигарет:

— Тебе-то что? Я тебя сюда не звала.

Стало тихо. В тягостную пустоту разговора вмешался звук подъезжавшего лифта. Варвара жадно прислушивалась к звукам из подъезда, но кабина протарахтела выше. Ожидания опять не оправдались, и голова, так нестерпимо в это утро тяжёлая и больная, привычно-уныло повисла между плеч.

— Зачем ты брата в это втянула, не дала мне его после школы забрать? — вдруг вытолкнула из себя Лизавета.

Мать дёрнулась, не поднимая головы, выпустила дым в пол и вдруг просипела:

— Да надо было и от него избавиться. А может, и от тебя. Сейчас бы жилатише. Зря я бабку вашу не послушала, родила всех вас.

Лизавета присела рядом на стул.

— Ты это, мать, сейчас о чём?

Седая голова качнулась немного вверх, и из-за нечёсаной пряди проглянул тусклый глаз.

— Между тобой и Петькой был ребёнок. Мальчик. Бабка ваша большая мастерица по вытравливанию была. Она всему посёлку помогала. И мне помогла. Я когда выкинула, мальчишку прямо у

ней во дворе под яблоней и закопала.

Лизавета тяжело сглотнула.

— Это, мать, в каком дворе? Я же в бабкином доме живу. В моём что ли?

Варвара утвердительно качнула головой:

— Во-во. Там... А потом пошла и напилась. Тебе тогда лет шесть было. Ты с тех пор у бабки так и осталась жить.

Лизавета долго молчала, тупо смотря в пол.

— Мать, мне теперь что, в моём доме панихиды служить по брату моему и по всем невинно убиенным... Мать, вы чего с бабкой наделали?!

Варвара хмыкнула:

— Ну, тебе виднее. Ты ведь из нас одна и молишься.

Елизавета сжала голову руками:

— Ма-а-ать... Ты подумай, у бабки вас было шестеро. У тебя нас двое. А у меня только один сын, и внуков у меня от него не будет. Мы же вымираем. Да мне же с колен теперь не вставать, вымаливать...

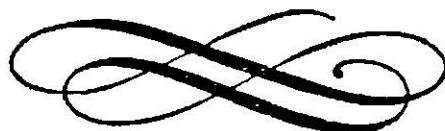
Елизавета сдавленно всхлипнула. Входная дверь резко открылась, и в неё с болезненной оживленностью ввалился опухший от запоя брат. Карман его штанов оттягивала так знакомая Лизавете тяжесть бутылки. Не говоря ни слова, опустив безвольно руки, она прошла мимо Петьки и тихо закрыла за собой дверь.

Стараясь никому не мешать, Лизавета прошла в дальний угол в церкви. Там за колонной было темнее и спокойнее, и ей, пусть издали, было видно так любимую ею святыню храма — Скоропослушницу. Всю службу она смотрела на икону и беззвучно плакала.

Дома ночь навалилась темнотой и новыми слезами. Сон долго не шёл, но она упорно не открывала глаз. Как-то вдруг Лизавета увидела тропинку в поле, которая тянулась вдоль изгороди её дома на заднем дворе. Она пошла по ней мимо знакомых домиков, крепко прижимая к груди икону. Потом тропка повела её в лес, где деревья стояли полумёртвые в стоячей воде болота. Вдруг

тропинка оборвалась у гнилой воды, не прикрытой болотной растительностью и глядевшей на неё неживым черным глазом.

Женщина стала пристально вглядываться в муть странного колодца. В ползании грязных слоёв вонючей жижи стали проглядывать силуэты двух рук. Руки тянулись к ней, но лица она долго не могла признать. Вдруг слои грязи разошлись, и Лизавета узнала бабушку. Родное лицо было искажено страданием. От неожиданности и скорби Лизавета выпустила из рук икону. Доска поплыла по воде, и лик Пречистой смотрел на неё, забрызганный то ли водой, то ли слезами. Икона плыла и плыла, а вода становилась всё прозрачнее...

СОДЕРЖАНИЕ

ПТИЧКИ НЕБЕСНЫЕ

Слава Богу, что мой сын инвалид.....	6
На таковых нет закона.....	8
Нюр, ты меня прости!.....	10
Большое сердце.....	14
Лариса.....	16
Мать.....	19
Папаша.....	21
На посту.....	22
От перестановки мест.....	24
Малышка.....	25
Наши копуши.....	26
Маленький человечек.....	27
Урод.....	28

ТЫ – ЛЮБОВЬ МОЯ ПОСЛЕДНЯЯ

Ты – любовь моя последняя.....	30
Последнее погружение.....	35
Полоса отчуждения.....	40
Дорога в.....	45
Безымянная высота.....	50
До конца.....	55
Дядя Серёжа.....	60
Клёпа.....	63
Чабан (рассказ попутчика).....	65

СКАЖИ ПРАВДУ

Фотиния.....	67
Покой.....	72
Рожденные для вечности.....	74
Рушник.....	76
Сколько боли... Сколько... Сколько.....	78
Анна.....	80
Икра.....	83
Надежда.....	85
И последние будут первыми.....	87
Долг	89
Просфора.....	90
Скажи правду.....	91
Барьер.....	92
Милостыня.....	93
Весточка.....	95
Ладошки.....	97
Разбитная.....	99
Так получилось.....	100
Болото.....	101

Литературно-художественное издание

Юлия Сергеевна Клюева

Мой маленький рыцарь

Рассказы.

Заметки.

Наблюдения.

Редактор - *А.И. Войнов*
Корректура - *А.И. Самарский*
Вёрстка - *В. А. Акопян*

Подписано в печать 10.02.2017.

Формат 60x184 1/16.

Гарнитура «Times New Roman».

6,6 усл.п.л. Печать офсетная

Тираж 50 экз.

Свёрстано и отпечатано в ООО «Волга-Принт»
413100, Саратовская область, г. Энгельс, ул. Калинина, 34.

